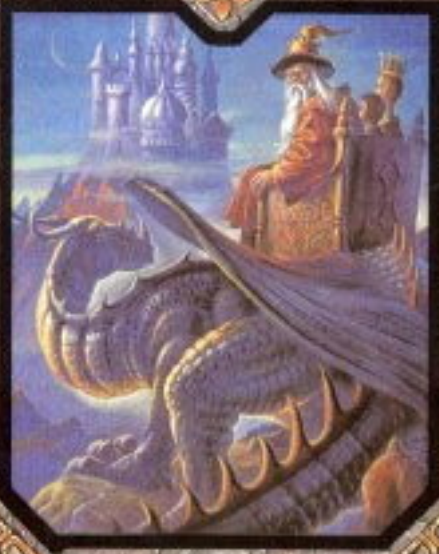

Fantasy

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛ

Сказание
о Мануэле

СЕРБНО ИЗДАЊЕ

Сказания о Мануэле

Джеймс Кейбелл

Земляные фигуры

1921

Кейбелл Д. Б.

Земляные фигуры / Д. Б. Кейбелл — 1921 — (Сказания о Мануэле)

Успеху Джеймса Бренча Кейбелла у русского читателя немало вредит успех Толкина. Эта книга выходит под грифом «фэнтези», который в действительности справедлив по отношению к американскому писателю ничуть не больше, чем по отношению к Мервину Пику или к тому же Толкину. Творил Кейбелл в первой половине XX века, когда о фэнтези еще и слуху не было, и занимался своими делами. Сравнить его уместнее не с фэнтези, а, например, со Свифтом, но если это и Свифт, то еще более ироничный и метафизически настроенный.

Содержание

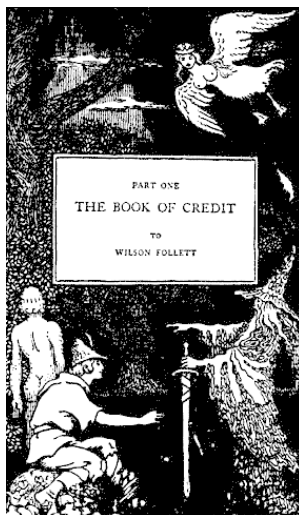
ЧАСТЬ I	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	27
Глава VIII	30
Глава IX	34
ЧАСТЬ II	38
Глава X	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ЧАСТЬ I

Книга Прихода

Ответил тогда Кудесник голосом страшным: «Мануэль, Мануэль, сейчас покажу я тебе множество книг по Некромантии и покажу, как с легкостью ей овладеть и знать, как ее применять. И, больше того, покажу и тебя научу так, что ты обретишь Желанье свое, коее, мыслю, Дар великий за деянье столь малое».

Глава I

Как Мануэль оставил болото

В Пуактесме рассказывают, что в стародавние времена, когда чудеса происходили в два счета, юный Мануэль был скромным свинопасом и присматривал за стадом мельника. Говорят к тому же, что Мануэль был вполне этим доволен и не догадывался о судьбе, которая ему предстоит.

Меж тем в окрестностях Ратгора и в крытых соломой дереушках Нижнего Таргамона его любили. А когда молодежь собиралась по вечерам, чтобы выпить коньяку, закусывая его орешками и тминным хлебом, никто не танцевал веселее Косого Мануэля. С девушками он был тих, а с мужчинами серьезен и прост, что заставляло людей, торопливых на обобщения, считать его круглым дураком. Бывало, молодого Мануэля обнаруживали блаженно улыбающимся без видимой причины, но больше всего в жизни, похоже, его тогда занимала статуя, которую он лепил из болотной глины на берегу Гарантонского пруда.

Эту статую он постоянно переделывал. Фигура стояла на кромке воды, а рядом два валуна, поросшие мхом, подпирали старинный, изъеденный червями деревянный крест, в память о том, что здесь некогда было содеяно.

В один прекрасный день, в начале осени, когда Мануэль сидел под крестом, глядя в глубокую спокойную воду, появился незнакомец, опоясанный длинным-предлинным мечом, сильно мешавшим ему при ходьбе.

– Диву даюсь, что ты нашел в этом темном пруду, коли так пристально в него уставился? – первым делом спросил незнакомец.

– Точно не знаю, – ответил Мануэль, – но мне кажется, я смутно различаю утонувшие там любовь, желания и приключения (что у меня были), когда я жил в ином теле. Я должен сказать, что вода Гарантона не похожа на воду других водоемов, потому как она навевает странные сны.

– Я ничего дурного не говорю про толкование сновидений, хотя полная луна – едва ли лучшее время для подобных занятий, – заявил курносый незнакомец. – А это что такое? – спросил он.

– Это фигура человека, которую я делаю и переделываю, сударь, но не могу добиться того, чтобы она мне полностью понравилась. Поэтому думаю и дальше трудиться над ней, пока статуя не станет соответствовать моим помыслам и моему желанию.

– Но, Мануэль, зачем вообще нужно ее лепить?

– Потому что, сударь, моя мать всегда страшно хотела, чтобы я представлял в этом мире значительную фигуру, и, когда она умирала, я пообещал ей, что сделаю это, и тогда она наложила на меня гейс.

– О, разумеется! Но ты уверен, что она имела в виду именно этого истукана?

– Да, ибо я часто слышал ее слова, пока рос, и она хотела, чтоб я сделал все возможное, чтобы люди увидели великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека. Поэтому необходимо, чтобы я создал статую молодого человека, ибо моя мать не из здешних краев, а из Ат-Клиата, и она наложила на меня гейс...

– Да-да, ты упоминал этот самый гейс, и мне интересно, что такое этот гейс.

– Вы могли бы назвать это долгом или обязательством, сударь, только он особенно сильный, непомерный и тайный: им пользуются Фирболги.

Незнакомец теперь перевел взгляд со статуи на Мануэля и задумался над вопросом (который позднее поставит в тупик множество людей), мог ли еще кто-нибудь быть так прост, каким казался Мануэль. Мануэль в двадцать лет еще не был тем великаном, которым стал потом. Но он уже был настолько высоким, что лишь немногие доставали ему до плеча, притом приятной наружности, с тонкими чертами лица, русыми волосами, небольшой головой, ясными светло-голубыми глазами и грудью жеребца; его левая бровь странным образом была опущена вниз, и многим казалось, что этот огромный молодой человек при всей своей простоте лукаво подмигивает.

В целом незнакомец нашел этого молодого свинопаса довольно двусмысленным и, кроме того, заметил в облике Мануэля еще одну любопытную деталь.

– Так из-за этого гейса, – спросил незнакомец, – у тебя из шевелюры выстрижен большой клок?

В тот же миг лицо Мануэля стало мрачным.

– Нет, – сказал он, – это не имеет отношения к гейсу, и не будем об этом говорить.

– Странный ты парень, раз взял на свою голову такое обязательство, срезал с головы почти половину волос и имеешь в голове такие фантазии. И хотя, слушаясь матери, не надеешься большого вреда, я удивляюсь, Мануэль, что ты валяешься тут на болоте среди свиней и отдаешь молодость этому пугалу и стоячей воде, когда у тебя впереди такое интересное приключение, когда Норны, прядя нить твоей жизни, предсказывают тебе великие подвиги.

– Ха, да будет славен Господь, сударь, но что это за приключение?

– Приключение состоит в том, что дочь графа Арнейского похитил некий волшебник, и этот высокородный граф Деметрий сулит несметные богатства, земли и руку девушки в придачу тому молодцу, который вернет ему любимую дочь.

– Я слыхал разговоры об этом на кухне Арнейского замка, куда продаю поросят. Но какое до этого дело свинопасу?

– Мой мальчик, сейчас ты свинопас, дремлющий на солнце, так же как вчера был младенцем, кричащим в колыбели, но завтра ты не будешь ни тем, ни другим, если есть хоть какая-нибудь правда в словах Норн, шушукающихся под своим ясенем.

По-видимому, Мануэль покорился неизбежному. Он наклонил свою белобрысую голову и торжественно сказал:

– Честь и хвала Урд, Верданди и Скульд! Если мне предписано стать спасителем дочери графа Арнейского, глупо спорить с Норнами. Скажите же мне, как зовут этого проклятого волшебника и как добраться до него, чтоб отрубить его мерзкую голову?

– О нем говорят как о Мирамоне Ллуагоре, повелителе девяти снов и князе семи безумий. Он живет в сказочном великолепии на вершине серой горы Врейдекс, где изобретает всяческие иллюзии и, в частности, создает человеческие сновидения.

– Да, на кухне Арнейского замка говорят о Мирамоне и такое. И никто на кухне не отрицал, что этот самый Мирамон – опасная личность.

– Он самый хитрый из волшебников. Никто не может ему противостоять, и никто не может миновать ужасных змеев, поставленных Мирамоном для охраны серых склонов Врейдекса, если только человек не вооружен убийственным мечом Фламбержем, который висит у меня здесь, в этих синих ножнах.

– Что ж, тогда графскую дочь должны освободить вы.

– Нет, это не пойдет, потому что в жизни героя слишком много суматохи, схваток и кровопролитий, а мне это не подходит – ведь я миролюбивый человек. Кроме того, герою, который спасет госпожу Жизель, отдадут ее руку, а поскольку у меня уже есть одна жена, я знаю, что от двух жен будет только вдвое больше скандалов и все, а мне это не подходит – ведь я человек миролюбивый. Поэтому думаю, что лучше тебе взять меч и пуститься в приключение.

– В общем-то, – сказал Мануэль, – иметь под боком богатства, земли и красавицу жену лучше, чем стадо свиней.

Словом, Мануэль опоясался заколдованными ножнами, а заколдованным мечом он с грустью порубил на куски глиняную статую, которую так и не довел до совершенства. Затем Мануэль вложил Фламберж в ножны и прокричал свиньям слова прощания.

– Я никогда не вернусь к тебе, мое стадо, потому что, на худой конец, лучше доблестно умереть, чем проспать всю свою молодость. У человека лишь одна жизнь. Поэтому я покидаю вас, мои свиношники, чтоб добыть себе красавицу жену, много богатств и свободу и исполнить волю моей матушки. А когда мой гейс будет с меня снят, я не вернусь к вам, мои хрюшки, а отправлюсь путешествовать и дойду до самого края земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить, покуда жив. Ибо после этого не я буду оценивать, но меня: ведь, как говорят, человек, которого покинула жизнь, не годится, в отличие от вас, даже на хорошую ветчину.

– Такого красноречия для свиней, – говорит незнакомец, – больше чем достаточно, и похоже, это им понравилось. Но нет ли какой-нибудь девушки, с которой ты хотел бы попрощаться не только на словах?

– Нет, сначала я подумал, что попрощаюсь с Сускинд, которая иногда благоволила ко мне в своем сумрачном лесу, но, поразмыслив, решил этого не делать. Сускинд, вероятно, разревется и потребует обещаний вечной верности или, что еще хуже, охладит мой пыл, с которым я устремился вперед к завоеванию богатств и прелестной дочери графа Арнейского.

– Вижу, ты, мой юный Мануэль, странный мальчик, хладнокровный и откровенный, и зайдешь далеко – неважно, в добре или зле!

– Я не разбираюсь в добре и зле. Но я – Мануэль, и я буду следовать своим помыслам и своим желаниям.

– И, определенно, не менее странно, что ты говоришь так, – ибо, как все знают, это была любимая поговорка твоего тезки, знаменитого графа Мануэля, который совсем недавно умер на Юге.

На это юный свинопас с серьезным видом кивнул:

– Я должен воспринять этот знак, сударь. Очевидно, как я это понимаю, мой благородный тезка уступил мне дорогу для того, чтобы я смог пойти гораздо дальше его.

Затем Мануэль учтиво попрощался с курносым незнакомцем и, оставив свиней мельника на произвол судьбы у Гарантонского пруда, зашагал в своих лохмотьях навстречу судьбе, о которой предстоит длинный рассказ.

Глава II Ниафер

Первым делом Мануэль наполнил дорожный мешок простой, но питательной снедью, а потом отправился к серой горе, называемой Врейдексом, к далекой, окутанной облаками вершине, на которой обитал в своем подозрительном дворце страшный Мирамон Ллуагор – повелитель девяти снов, изобретатель иллюзий и создатель человеческих сновидений. Когда Мануэль проходил под древними кленами у подножия Врейдекса, он увидел невысокого, невзрачного на вид, темноволосого юношу, поднимавшегося впереди.

– Привет, коротышка, – говорит Мануэль, – и что же ты делаешь в этом опасном месте?

– Я иду, – отвечает темноволосый юноша, – разузнать, как поживает на вершине этой горы госпожа Жизель д'Арней.

– Ого! Значит, нам по пути, ибо у меня такое же намерение. Но когда доберемся, мы сразимся с тобой, и тот, кто уцелеет, получит богатства, земли и графскую дочку себе на колени. Как тебя зовут, приятель?

– Меня зовут Ниафер. Но я считаю, что госпожа Жизель уже обвенчалась с Мирамоном Ллуагором. По крайней мере, я искренне надеюсь, что она замужем за этим волшебником, ибо иначе для нее было бы неприлично жить с ним вне брака на вершине этой серой горы.

– Что за чушь! Какая разница? – говорит Мануэль. – У нас нет закона, запрещающего вдове вновь выходить замуж. А вдовами быстро становятся с помощью героев, о которых уже поведали мудрые Норны. Но я не должен говорить тебе об этом, Ниафер, поскольку не хочу показаться хвастуном. Поэтому я просто скажу тебе, Ниафер, что меня зовут Мануэль, и у меня нет другого титула: я пока даже не барон.

– Однако ты слишком уверен в себе для молодого парня! – говорит Ниафер.

– А как же! На кого еще я могу полагаться в этом зыбком мире, кроме себя?

– Предки, Мануэль, считали, что подобное самомнение до добра не доводит, а, говорят, они были мудрее нас.

– Предки, Ниафер, слишком давно занимались устройством этого мира, но сам видишь, как они сделали свое дело. Что это за мир, спрашиваю я тебя, где время похищает у нас золото волос и пурпур губ, где северный ветер уносит прочь блеск, сияние и изобилие октября, где старый идиот чародей-блудодей крадет прелестную девушку? Подобный разбой не лезет ни в какие ворота; это ясно говорит, что предки понятия не имели, как заниматься такими делами.

– Эх, Мануэль, разве ты переделаешь мир?

– Кто знает? – говорит Мануэль с величественной гордостью, свойственной юности. – Во всяком случае, я не собираюсь оставлять его без изменений.

И тогда Ниафер – более прозаичный человек – взглянул на него с восхищением и жалостью, но не стал спорить. Вместо этого они дали клятву, что будут верны друг другу до тех пор, пока не спасут госпожу Жизель.

– Затем мы сразимся за нее, – поспешил напомнить Мануэль.

– Во-первых, приятель, дай мне увидеть ее лицо, потом дай мне узнать ее нрав, а уж после я подумаю, драться ли с тобой. Между тем это очень высокая гора, и восхождение на нее потребует всех сил, а мы тратим их здесь на болтовню.

Итак, они вдвоем начали восхождение на Врейдекс по извилистой дорожке, по которой спускались в долину сновидений, когда их насылал на людей повелитель семи безумий. Сперва это была просто каменистая тропа. Но вскоре они добрались до разбросанных по небольшой полянке обглоданных костей – останков тех, кто, очевидно, поднимался перед ними. А из-за высоких репейников тут же показался Змей Востока – самое страшное из созданий, которым Мирамон тревожит сон литов и татар. Змей ехал верхом на черном коне, черный сокол сидел

у него на макушке, и за ним бежала черная гончая. Конь споткнулся, сокол закричал, а гончая поджала хвост и завыла. Змей взмахнул плетью и закричал:

– Эй, ты что, собачье мясо, спотыкаешься? А ты, сука, почему завыла? А ты, птичка, почему разоралась? Ведь эти три знамения предвещают мне какое-то несчастье.

– О, великое несчастье! – отвечает Мануэль, вынимая свой волшебный меч.

– Истину говоришь! Истинное несчастье предсказано тебе этим. Разве на Дубовом острове под двенадцатым дубом не стоит медная шкатулка, а в шкатулке – пурпурная утка, а в утке – яйцо, а в яйце – твоя смерть?

– Верно, что моя смерть находится в яйце, – сказал Змей Востока, – но никто никогда не найдет его, и поэтому я неодолим и бессмертен.

– А вот и нет, яйцо, как ты видишь, у меня в руке, и, когда я раздавлю это яйцо, ты умрешь, и твои братья – червяки – поблагодарят не тебя, а меня за сегодняшний ужин.

Змей взглянул на протянутое яйцо и задрожал. Он изогнулся так, что его чешуя заиграла солнечными зайчиками. Он вскрикнул:

– Отдай мне яйцо, и я позволю вам идти своим путем навстречу более ужасной гибели.

Хотя у его спутника было свое мнение, Мануэль решил, что так будет лучше, и в конце концов они совершили эту сделку ради детенышей змея. Затем они пошли дальше, в то время как змей завязал глаза коню и гончей, накрыл колпаком сокола и потихоньку пополз прочь, чтобы спрятать яйцо в укромном месте.

– Но как тебе, черт подери, – спрашивает Мануэль, – удалось достать такое бесценное яйцо?

– Это совершенно обычное утиное яйцо, Мануэль. Но у Змея Востока нет возможности обнаружить это, не разбив яйца. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку думает, что это то яйцо, в котором заключена его смерть.

– Ну, Ниафер, хоть ты и замухрышка на вид, однако много умнее, чем я думал!

И только Мануэль хлопнул товарища по плечу, как лес у дороги закачался, затрещали кусты, а высокие буки стали ломаться и падать в разные стороны, – так сквозь толщу земли пробился Змей Севера. Только голова и шея этого создания Мирамона возвышались над поваленными деревьями, потому что нижние кольца Змея никогда не отпускали основание Норрвегии. А все, что высунулось, было покрыто водорослями и ракушками.

– По воле Мирамона Ллуагора я сейчас же уничтожу вас обоих, – говорит этот змей, разевая пасть, похожую на пещеру со сталактитами и сталагмитами.

Еще раз юный Мануэль выхватил свой волшебный меч, но заговорил его товарищ.

– Нет, ибо прежде, чем ты погубишь меня, – говорит Ниафер, – я наброшу уздечку тебе на морду.

– Что это еще за уздечка? – презрительно спросил огромный змей.

– Разве эти вытарщенные глаза не достаточно велики и не видят, что это мягкая узда, называемая Глейпниром, которая сделана из дыхания рыб, слюны птиц и кошачьих шагов?

– Хотя несомненно, что подобная казнь мне предсказана, – проговорил змей с легким беспокойством, – как я могу быть уверен, что ты говоришь правду и вот эта штука и есть Глейпнир?

– Давай так: я брошу ее тебе на голову, и тогда ты сам увидишь, как исполнится древнее пророчество и тебя оставят силы и жизнь, а норманны больше не увидят снов.

– Нет, убери от меня эту штуку, маленький глупец! Нет, нет! Мы не будем проверять твою правдивость таким образом. Так и быть, вы вдвоем пойдете своей дорогой к более ужасной гибели и столкнетесь с варварской смертью запада, если дашь мне эту узду, чтоб я уничтожил ее вместо тебя. И тогда я, если буду жить вечно, удостоверюсь, что это в самом деле Глейпнир и ты сказал правду.

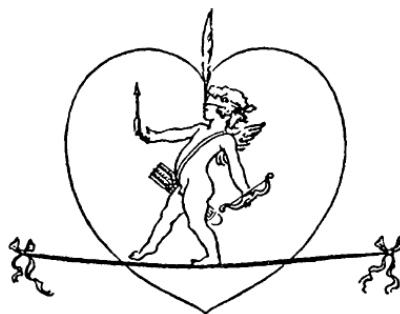
Поэтому друзья согласились, что лучше проверить правдивость своих слов, нежели позволить Змею погибнуть, а основанию Норрвегии (а Ниафер якобы состоит в родстве с одной из тамошних правительниц) таким образом пошатнуться, освободившись из объятий околесившего Змея. Узда была отдана, и Ниафер с Мануэлем пошли дальше. Мануэль спросил:

– Коротышка, это правда узда, называемая Глейпниром?

– Нет, Мануэль, это обычная уздечка. Но у Змея Севера нет возможности обнаружить это, кроме как надеть ее на себя. А это единственное, чего Змей никогда не сделает, поскольку знает, что, если моя узда оказалась бы Глейпниром, силы и жизнь оставили бы его.

– О, хитрый и коварный коротышка! – сказал Мануэль. И вновь хлопнул товарища по плечу.

Затем Мануэль заговорил очень напыщенно про ум и сказал, что лично сам, со своей стороны, никогда не отрицал его большого значения.

Глава III

Восхождение на Врейдекс

Наступил вечер, и они нашли приют на мельнице рядом с дорогой, у маленького сморщенного старичка в залатанной куртке. Он дал им постель и добрый каравай хлеба с сыром, а себе на ужин достал из-за пазухи лягушек и поджарил на углях.

Затем юноши сели на пороге посмотреть, как ночные кошмары спускаются с Врейдекса в мир мечтательных людей, к которым эти призраки являются в виде причудливых белых паров. Сидя вот так, они начали болтать о том о сем, и Мануэль обнаружил, что Ниафер исповедует старую языческую веру, что, по словам Мануэля, было превосходно.

– Когда мы завершим наше восхождение, – говорит Мануэль, – то должны будем сражаться друг с другом за графскую дочку, и я несомненно одолею тебя, дорогой Ниафер. Если б ты умер христианином, вот так, гнусно пытаясь убить меня, ты немедленно провалился бы в неугасимое пламя Чистилища или даже в еще более жаркие места. Но у язычников все, доблестно погибающие в битве, попадают прямиком в языческий рай. Да-да, твоя отвратительная религия – для меня огромное утешение.

– Для меня это тоже утешение, Мануэль. Но как христианину тебе не следует одобрять язычества.

– Это не совсем так, – говорит Мануэль, – в то время как моя мать, Доротея Белоручка, была самой рьяной христианкой, ты должен знать, что мой отец не причащался.

– А кто был твоим отцом, Мануэль?

– Не кто иной, как Пловец Ориандр, который, в свою очередь, сын Мимира.

– О, замечательно! А кто такой Мимир?

– В общем, Ниафер, это не совсем понятно, но он прославился мудрой головой.

– Мануэль, а кто такой Ориандр, о котором мы говорим?

Мануэль же откашлялся и начал рассказ:

– О, из пустоты и темноты, населенной потомками Мимира, из бездны подводного мрака, из покоя безмолвия этой вечной ночи появился Ориандр, из Мимира, чтоб начать войну с морем и посмеяться над желанием моря. Когда бури вырываются с шипением и ревом из перевернутой чаши Асов, все моряки слышат его вопли и радостный крик. Когда водная поверхность опрокидывается и срывает крышу мира, его белое лицо мерцает в пучине, где обезумевшие волны терзают Пловца, но не властны над его силами. Сему Пловцу не дано глаз, но, и незрячий, он будет сражаться и насмехаться, пока не выйдет время, пока все любовные песни земли не будут спеты, и последняя погребальная песнь не будет спета, и изнуренное море не признает, что только Ориандру по плечу испытывать мощь его гнева.

– Поистине, Мануэль, таким отцом должно гордиться, хотя он и не похож на набожного родителя, и не его ли слепота ответственна за твое косоглазие? Да, несомненно. Теперь расскажи-ка мне о том, как же этот незрячий повстречался с твоей матерью, Доротеей Белоручкой, что, полагаю, где-то произошло.

– О нет, – говорит Мануэль, – Ориандр никогда не перестает плавать и всегда должен находиться в воде. Так что он в действительности никогда не встречался с моей матерью, а она вышла замуж за Эммерика, являющегося моим номинальным отцом. Но что-то там такое произошло.

Тут Мануэль рассказал все об обстоятельствах своего рождения в пещере и об обстоятельствах своего воспитания в Ратгоре и близ него. Юноши все говорили и говорили, пока рукотворные сновидения плыли снаружи, а внутри мельницы маленький сморщенный старичок сидел и прислушивался к ним с очень подозрительной улыбкой, но не произносил ни слова.

– А почему ты так странно пострижен, Мануэль?

– Об этом, Ниафер, нам говорить не нужно, во-первых, потому, что мои волосы больше так пострижены не будут, а во-вторых, потому, что время спать.

На следующее утро Мануэль и Ниафер заплатили, по обычаю древности, цену, которую затребовал их хозяин: они оставили ему залатанные башмаки. И, по-прежнему поднимаясь, не встретили больше костей, ибо еще никто из предшественников не забирался так высоко. Вскоре они подошли к мосту, на котором стояли восемь копий, а мост охранялся Змеем Запада. Этот Змей был голубой в золотую полоску и носил на голове огромную шляпу из перьев колибри.

Мануэль чуть было не вынул свой меч, чтобы напасть на это создание, с помощью которого Мирамон Ллуагор делал ужасным сон красных племен, что охотятся и рыбачат за Гесперидами, но взглянул на товарища. А тот показал Змею черепашку с причудливым узором на панцире, со словами:

– Масканако, разве ты не узнаешь Тулапин – черепаху, которая никогда не лжет?

Змей завыл, словно тысяче псов одновременно поддали под ребра, и убежал.

– Почему, коротышка, он так поступил? – с сонной улыбкой спрашивает Мануэль, поскольку в третий раз обнаружил, что его заколдованный меч Фламберж не пригодился.

– Поистине, Мануэль, никто не знает, почему этот Змей боится черепахи. Но нас меньше заботит причина, чем следствие. Между тем до этих восьми копий нельзя дотрагиваться ни при каких обстоятельствах.

– А у тебя что, совершенно обычная черепаха? – спросил Мануэль.

– Конечно. Где я возьму необычных черепах?

– Я раньше не рассматривал эту проблему, – отвечает Мануэль, – но вопрос, несомненно, не имеет ответа.

Затем они сели позавтракать и обнаружили, что хлеб и сыр, которые они купили у маленького старичка этим утром, превратились в мешке у Мануэля в слитки серебра и золотые самородки.

– Вот гадость, – сказал Мануэль, – и я не удивляюсь, что хребет у меня чуть не переломился.

Он выкинул сокровища, и они смиренно позавтракали черной смородиной.

Из зарослей смородины тут же вышел сияющий Змей Юга, являющийся самым маленьким, красивым и наиболее ядовитым из созданий Мирамона. С этим Змеем Ниафер справился весьма оригинально: он пустил в дело три вещицы – о двух из них следует промолчать, а третьей была маленькая фигурка, вырезанная из орешника.

– Несомненно, ты очень умен, – сказал Мануэль, когда они миновали и этого Змея. – Все же то, как ты использовал первые две вещи, – неподражаемо, но показ резной фигурки окончательно меня смутил.

– С такой опасностью, что встретила нас, Мануэль, нечего церемониться, – отвечает Ниафер, – а мое заклинание – очень древнее и очень действенное.

И со множеством других приключений и опасностей столкнулись они, так что если обо всех рассказывать, получится длинная и весьма неправдоподобная история. Но погода им благоприятствовала, и они прошли через все препоны и рогатки с помощью всяких хитростей, которыми Ниафер, как оказалось, обладает в великом множестве. Мануэль громогласно расхваливал удивительную смекалку своего невзрачного темноволосого товарища и заявлял, что с каждым часом его любовь к нему становится все сильнее и сильнее. Мануэль также сказал, что думает с отвращением о предстоящем им поединке из-за дочери графа Арнейского: ведь там один должен убить другого.

Между тем меч Фламберж оставался в своих затейливых синих ножнах.

Глава IV

В подозрительном дворце

Так Мануэль и Ниафер, живые и невредимые, добрались до вершины серой горы Врей-декс, до подозрительного дворца Мирамона Ллуагора.

Когда юноши пересекали небольшую лужайку, где трава чередовалась с белыми кашками, откуда-то, словно переговариваясь друг с другом, зазвучали гонги. Тут и там стояли жуткого вида карликовые деревца с фиолетовой и желтой листвой. Подозрительный дворец показался осторожно приближавшимся к нему юношам сложенным из черных и золотых изразцов, которые были разрисованы фигурами бабочек, черепах и лебедей.

В этот день, кстати, в четверг, Мануэль и Ниафер вошли без помех через ворота из рога и слоновой кости и попали в красную галерею, где пять серых зверей, похожих на огромных лысых кошек, играли в кости. Пока юноши шли мимо них, эти твари облизывались и ухмылялись.

В центре дворца Мирамон воздвиг наподобие башни один из зубов Бегемота: клык был искусно обработан так, что внутри него получилось пять просторных комнат, и в самой дальней комнате под балдахином с зелеными кистями они обнаружили волшебника.

– Выходи и умри, Мирамон Ллуагор! – кричит Мануэль, вынимая свой меч, которому рассчитывал наконец найти применение.

А волшебник запахнул старый потертый халат и, оторвавшись от своих заклинаний, отложил в сторону какое-то маленькое недоделанное создание, которое, хныча, улизнуло в камин. Мануэль увидел, что у волшебника внешность того вежливого незнакомца, всучившего ему заколдованный меч.

– О, хорошо, что ты пришел так быстро, – говорит Мирамон Ллуагор, откинув голову и полузакрыв свои добрые темные глаза, глядя на них поверх крыльев небольшого носа. – Да, и добро пожаловать твоему юному другу. Но вы, юноши, наверняка совершенно вымотались по дороге, так что садитесь и выпьем по чарке вина, прежде чем я отдам Вам мою дорогую жену.

Мануэль же спрашивает:

– Но что все это значит?

– Это значит то, – отвечает волшебник, – что у тебя, я вижу, заколдованный Фламберж, и, поскольку владеющий этим мечом неодолим для меня, мне бесполезно сопротивляться.

– Но, Мирамон, это же ты дал мне меч!

Мирамон потер свой забавный маленький носик, а потом заговорил:

– А как бы еще ты меня одолел? Ведь известно, что, по закону Леших, волшебник не может отдать свою добычу просто так, пока он не побежден. Дело в том, что, когда я утащил Жизель, я поступил, как вскоре обнаружилось, весьма неблагоприятно.

– Но клянусь Святым Павлом и Поллуксом! Я вообще ничего не понимаю, Мирамон.

– Мануэль, я тебе скажу, что она была весьма очаровательной девушкой и, как мне показалось, представляла именно тот тип жены, о котором я мечтал. Но, вероятно, не совсем мудро руководствоваться всецело одной внешностью, потому что потом оказалось, что у нее не только большая грудь, но и большая воля, а кроме хорошенькой головки – хорошенький язычок, а я не в равной степени восхищаюсь всеми четырьмя этими достоинствами,

– Но, Мирамон, если всего несколько месяцев назад твоя любовь была так сильна, что привела к похищению...

Волшебник же назидательно проговорил:

– Думаю я, что любовь – сплав мгновенный тени и плоти. Те, кто стремятся любовью владеть, часто в глупость впадают. Любящий, видя, что движется сплав, как богиня золотая, гонится следом за нею, в итоге лишь плоть настигая. Тень золотая же меркнет с восходом

семейного солнца, тает она, как туман, навсегда без следа исчезая. А остается в объятиях мужа лишь плоть, что прекрасна – нет тут сомненья, – но плоть, его же подобная плоти; и болтовня, болтовня, болтовня; поцелуи всех видов. Что ж, остается любовь, но уже не такая, как прежде.

Тут недоделанное создание вылезло обратно из камина и взобралось по ноге Мирамона, по-прежнему слабо хныча. Он задумчиво взглянул на него, затем открыл этому существу голову и бросил обломки в мусорное ведро.

Мирамон вздохнул и сказал:

– Вот плач мужей, что сейчас существуют и жить будут завтра: «Что приключилось с красавицей той, на которой женился? Как с этой женщиной мне обходиться, что в жизнь мою входит? К ней остается любовь, но уже не такая, как прежде».

Пока Мирамон философствовал, юноши тупо переглядывались: в их возрасте знание этого предмета было еще смутным.

Затем Мирамон продолжил:

– Да, тот мудрее, кто сдержит желанья свои от подобных излишеств. Да, тот мудрее, кто, зная, что тень прелестнее делает сущность, мудро следит за путями той безответственной тени, коею схватишь – она убежит, отвернешься же – шествует рядом, жизнь золотя сияньем своим и жену сохраняя вечно юной, прекрасной, и мудрой, и неотразимой; вечно тебя оставляя не очень довольным, при этом во всеоружье достоинства, что несохранно в довольстве. Что ж, поскольку любовь – сплав мгновенный тени и плоти, то наслаждаться ты можешь одной – не обеими сразу.

– В общем, – согласился Мануэль, – может, все это так. Но я никогда не понимал гекзаметров и поэтому не видел толку в разговоре с их помощью.

– О, но у меня так получается само собой, когда я глубоко взволнован. Полагаю, поэзия в моей душе прорывается наружу в тот миг, когда я теряю власть над собой, а сейчас я думаю о неизбежной разлуке с моей дорогой женой. Понимаете, она активно заинтересовалась моим творчеством, а этого не вынесет ни один художник в любом виде искусства, – мрачно говорит Мирамон.

– Но как так может быть? – спрашивает его Ниафер.

– Все знают, что я создаю людям сновидения. Теперь же Жизель заявляет, что у смертных достаточно неприятностей в реальной жизни, чтобы видеть их еще и во сне...

– Несомненно, это верно.

– Поэтому она разрешает мне создавать лишь жизнеутверждающие, назидательные и приятные сны. Она говорит, что я должен дать усталым людям то, в чем они больше всего нуждаются, и делает акцент на важности того, чтобы каждый человек спал в здоровой атмосфере. Поэтому мне не разрешается создавать ни изящные кошмары, ни милые ужасы – ничего будоражащего или шокирующего, никаких морских змеев, кракенов, гиппогрифов – ничего, что дает мне полную свободу творчества. И мое искусство страдает. Что же касается других снов, более шаловливой природы...

– Интересно, о какого рода снах ты говоришь, Мирамон?

Волшебник объяснил, что он имел в виду.

– Теперь подобные сны она тоже категорически запретила, – добавил он со вздохом.

– Понятно, – сказал Мануэль, – почему у меня с некоторых пор не было снов такого рода.

– Нигде ни одному человеку не позволено видеть сны такого рода в эти ночи, нигде никому во всем мире. И тут опять-таки страдает мое искусство, ибо мои создания в этой сфере всегда были особенно живы и действенны и доставляли удовольствие самым стойким. Кроме того, Жизель уверяет, что все делает и говорит все ради моего блага. Короче, ребята, моя жена проявляет такой «лестный» для меня интерес ко всем моим предприятиям, что единственный выход для любого гуманного волшебника организовать освобождение ее из моих когтей, – ска-

зал Мирамон с раздражением. – Трудно объяснить это тебе, Мануэль, прямо сейчас, но после того, как ты женишься на Жизели, ты постигнешь это на своей шкуре.

– Но, Мирамон, я изумляюсь тому, что какая-то женщина во власти великого волшебника управляет им, женщина, которая, в конце концов, может всего лишь болтать.

Мирамон, какое-то время беспомощно моргая, смотрел на Мануэля.

– Неженатого человека это действительно удивляет, – сказал он. – В любом случае я позову ее, и ты сможешь объяснить, как ты победил меня, а значит, сможешь забрать ее и взять себе, да помогут тебе Небеса!

– Но объяснить ли мне, что это ты дал мне неодолимый меч?

– Нет, Мануэль. Нет, ты должен быть откровенным в разумных пределах. Теперь ты знаменитый герой, осененный победой, справедливый повод для которой создан высшей жертвой множества верных рыцарей и галантных кавалеров, поскольку они знали, что в итоге справедливость восторжествует. Твой успех, таким образом, представляет собой осуществление великого нравственного принципа, и объяснять практические мелочи подобных величественных процессов не всегда вполне порядочно. Кроме того, если Жизель дознается, что я хочу от нее избавиться, она определенно прибегнет к выражениям, которых я предпочитаю не слышать.

Но тут в комнату вошла жена волшебника Жизель.

– Она, несомненно, весьма мила, – говорит Ниафер Мануэлю.

Мануэль же восторженно заявляет:

– Она изящнейшее и прелестнейшее существо, которое я когда-либо видел. Созерцая ее несравненную красоту, я осознаю, что сбылись все прежние мечты. Я также вспоминаю свои прежние песни, которые обычно пел свиньям, о моей любви к прекрасной принцессе, которая «бела, как лилия, краснее роз, великолепнее рубинов стран Востока», ибо здесь приложимы все мои песенные эпитеты. И я поражен неспособностью этого жалкого волшебника оценить такую несравненную красоту.

– О, на этот счет у меня есть некоторые подозрения, – отвечает Ниафер. – И как только она заговорит, думаю, они оправдаются, ибо у госпожи Жизели далеко не мирный нрав.

– Что за чушь я слышала? – говорит гордая блестящая дама Мирамону Ллуагору. – Мне сказали, что ты побежден.

– Увы, любовь моя, это свершившийся факт. Этот герой неким необъяснимым образом достал магическое оружие Фламберж, являющееся единственным оружием, которым меня можно победить. Так что я сдался ему, и он, по-моему, вот-вот отрубит мне голову.

Прекраснейшая из девушек пришла в негодование, поскольку поняла, что, будь ты волшебник или нет, существует небольшая разница в супругах после первой пары месяцев замужества; и при вполне сносно прирученном Мирамоне она пока не собиралась менять его ни на кого другого. Поэтому Жизель тоном, предвещавшим бурю, спросила:

– А как же я?

Волшебник беспокойно потер руки.

– Моя милая, я, к сожалению, совершенно бессилен перед Фламбержем. Твое освобождение совершено по всем правилам, и герой-победитель обязан казнить меня за мои злодеяния и вернуть тебя твоим горяющим родителям. Я ничего не могу поделать.

– Посмотри мне в глаза, Мирамон Ллуагор! – приказала госпожа Жизель. Волшебник повиновался с умиротворяющей улыбкой. – Да, ты что-то затеял, – сказала она, – и только Небеса знают – что. Хотя в действительности это не имеет значения.

Затем госпожа Жизель посмотрела на Мануэля.

– Так это ты – герой, пришедший меня освободить? – спросила она с расстановкой, и ее большие сапфировые глаза блеснули поверх огромного веера из разноцветных перьев так, что Мануэлю стало не по себе.

Наконец она обратила внимание на Ниафера.

– Должна сказать, что твое прибытие произошло с достаточным опозданием, – заметила Жизель.

– Мне потребовалось два дня, сударыня, чтобы найти и поймать черепаху, и это меня задержало.

– Ох, у тебя всегда найдутся отговорки, отдаю тебе должное, но лучше поздно, чем никогда. Ну так, Ниафер, знаешь ли ты что-нибудь об этом желтоволосом герое-простофиле?

– Да, сударыня, он прежде жил, присматривая за свиньями мельника недалеко от Ратгора, и мне случалось видеть его на кухне Арнейского замка.

Жизель обернулась к волшебнику, а ее тонкие золотые цепочки и бесчисленные драгоценные камни вспыхнули не более ярко, чем сапфиры глаз.

– Вот как? – сказала она страшным голосом. – И ты собираешься отдать меня свинопасу с наполовину обстриженной головой и дырами на локтях!

– Моя дорогая, и прическа, и костюм – дело вкуса и только, и будь он хоть дважды свинопасом, но он владеет магическим мечом Фламбержем, перед которым все мои силы – ничто.

– Вздор, все очень легко устроить. У вас, мужчин, нет ни капли здравого смысла! Мальчик, дай мне этот меч, пока ты не поранился, балуясь с ним, и положим конец этому недоразумению, – потребовала надменная дама, и какое-то время герой-победитель по-детски обиженно смотрел на нее, но он не обратился в бегство.

– Госпожа Жизель, – ответил Мануэль. – Я, возможно, простофиля, бедно одет и молод, но, пока обладаю этим оружием, я – господин вас всех и своего будущего. Отдав его, я потеряю все, что мои предки научили меня ценить, ибо мои суровые предки считали, что богатство, земли и красавицу жену приятней иметь под боком, чем стадо свиней. Поэтому, если кто-то предлагает мне сделку, я сперва поторгуюсь, прежде чем договориться о цене.

Он повернулся к своему товарищу.

– Дорогой коротышка, – сказал Мануэль, – ты тоже должен сказать свое слово, потому что с самого начала именно твоя смекалка спасла нас и завела так высоко. Посмотри, я наконец обнажил Фламберж и стою на подозрительной вершине Врейдекса, и я – господин данного часа и будущего. Теперь мне осталось отрубить мерзкую голову этому проклятому волшебнику – и делу конец.

– Ради Бога! – сказал Мирамон. – Я после этого превращусь во что-нибудь другое, что, вероятно, нам лучше не обсуждать. Это ничуть меня не затруднит, так что воздержитесь от неуместного милосердия по отношению ко мне, а вместо этого действуйте мечом и забирайте заслуженную награду.

– И так и этак, – признал Мануэль, – мне нужно лишь ударить мечом – и я получаю большое богатство, плодородные пахотные земли и красавицу жену, и свинопас станет знатным дворянином. Но именно ты, Ниафер, добыл это для меня, и я чувствую сейчас, что эти неожиданные блага не так чудесны, как ты, мой дорогой друг.

– Но ты тоже чудесен, – был ответ Ниафера. Мануэль же сказал с печальной улыбкой:

– Я не такой, и в час своего триумфа я в ужасе от собственной ничтожности. Послушай, Ниафер, я думал, что изменюсь, когда стану героем, но, несмотря на то, что стою здесь, красуясь с этим длинным мечом, и являюсь господином данного часа и будущего времени, я остаюсь мальчишкой, который в прошлый четверг еще пас свиней. Я не испугался чудовищ, которые встретились нам на дороге, но графскую дочку я ужасно боюсь. Ни за что на свете не останусь я с ней наедине. Нет, такие изящные дамы не для свинопасов, и я хочу другую жену.

– Кого же ты желаешь себе в жены, – спрашивает Ниафер, – как не прелестнейшую и богатейшую даму во всем Ратгоре и Нижнем Таргамоне?

– Что ж, я возьму умнейшее, милейшее и самое чудесное существо на свете, которое, по моим воспоминаниям, я видел недель шесть назад, когда заходил на кухню Арнейского замка.

– А! Тогда это можно устроить. Но кто она, эта изумительная женщина?

Мануэль же сказал:

– Ты – эта женщина, Ниафер!

Ниафер ничего не ответила, но улыбнулась. Она подняла плечико и потерлась им о широкую грудь Мануэля. Так они вдвоем какое-то время смотрели друг на друга, не произнося ни слова, и, судя по всему, не замечая ни Мирамона Ллуагора, ни его чудес – ничего на свете, кроме друг друга.

– Для меня теперь здесь все изменилось, – сказал наконец Мануэль вполголоса, – и остаток жизни я теперь буду жить в мире, где Ниафер – единственная из всех женщин.

– Мой дорогой, – ответила Ниафер, – и блестящая королева, и изысканная принцесса – это лишь сердце женщины, прыгающее от радости, когда на нее посмотрят дважды, что говорить обо мне, я – простая служанка!

– Это точно, – сказала Жизель дребезжащим голосом, – Ниафер – моя переодетая служанка-язычница, на которую мой муж неделю назад наслал сон с приказанием явиться ко мне, чтобы следить за моими вещами. Поэтому, Ниафер, раз тебя вызвали служить, прекрати лапать этого свинопаса и отвечай мне, что это такое я слышу о твоём замечательном уме.

Но Мануэль сам с гордостью рассказал о ловушках, которые миновала хитроумная Ниафер, о змеях и прочих ужасах. И, покуда он хвастался, Мирамон Ллуагор улыбался, а Жизель скептически смотрела на Ниафер: и Мирамон, и его жена – оба знали, что ум Ниафер искать можно так же долго, как и ее миловидность, и что именно сон, насланный Мирамоном, досконально сообщил ей хитрости и уловки, которые так очаровали свинопаса.

– Поэтому, госпожа Жизель, – говорит в заключение Мануэль, – я отдам вам Фламберж, Мирамона, Врейдекс и все остальные горы в придачу в обмен на самую чудесную и умную женщину на свете.

И Мануэль изящным жестом вручил заколдованный меч Фламберж прелестной графской дочке, а сам взял руку ее смуглой невзрачной служанки.

– Ну, – говорит Мирамон в тихом смятении, – эта картина производит сильное впечатление. Но что касается твоих собственных интересов, Мануэль, неужели ты считаешь свой выбор вполне разумным?

Высоченный Мануэль посмотрел на него сверху вниз с презрительной жалостью.

– Да, Мирамон, ибо я – Мануэль, и я следую своим помыслам и своим желаниям. Конечно, с моей стороны очень великодушно отказаться от богатств и власти, но Ниафер стоит этой жертвы, и, кроме того, она свидетельница моего великодушия.

Ниафер же, конечно, размышляла: «Это очень мило с его стороны, и я буду вынуждена из простой порядочности позволять ему такие безумства пару первых месяцев замужества. После чего, надеюсь, мы перейдем к более благоразумному образу жизни».

Между тем она с обожанием смотрела на Мануэля: совершенно так, словно считала, что он выказывает необыкновенную рассудительность.

А Жизель и Мирамон переглядывались, не понимая, что нашел этот длинноногий юноша в глупенькой замухрышке, которая на много лет его старше.

Так они наблюдали происходящее, и к ним пришла эта потрясающая мысль, которая удерживает множество супружеских пар в объятиях человеческой природы: «И насколько мудрее и счастливее наш брак, так или иначе, любого среднего брака!»

Мирамон лично был так глубоко тронут этим жутким открытием, что погладил жену по руке. Потом он вздохнул.

– Любовь победила мои создания, – сказал он загадочно, – а секрет счастливого брака, в конце концов, заключается в том, чтобы уделять как можно больше внимания чужим женам.

Жизель попросила его не строить из себя дурака, но сказала это очень мягко и, говоря, сжимала его руку. Она понимала этого могучего волшебника много глубже, чем позволяла ему это обнаружить.

Вслед за этим Мирамон стер с небесной тверди светила и зажег там праздничную радугу, а под ней затеял для свинопаса и служанки в честь их помолвки такое представление со всякими фантазиями и иллюзиями, какое показало весь спектр искусства Мирамона и доставило удовольствие всем, но особенно самому Мирамону. Их смешил дракон, охраняющий сокровища, танцевали наяды, и порхали херувимы, сладкоголосо распевая песни и загадывая забавные загадки. Затем они пировали, а им прислуживали сказочные слуги и оказывали все почести, достойные небожителей. А когда это празднество закончилось, Мануэль сказал, что, поскольку он в конце концов не стал богатым дворянином, они с Ниафер должны найти ближайшего священника, а потом вернуться к его свиньям.

– Не уверен, что тебе это удастся, – сказал Мирамон, – ибо если восходящим на Врейдекс препятствуют мифические змеи, то тем, кто решил вернуться, мешают настоящие смерть и судьба. Ибо должен сказать тебе, что у меня есть весьма капризный брат – форменный скучный реалист, без намека на эстетическое чувство, и он совершенно непредсказуем.

– Однако, – сказал Мануэль, – нельзя вечно жить среди сновидений, а смерть и судьба ждут всех. Так что мы попробуем.

Тут какое-то время темные глаза Мирамона Ллуагора оценивали их, и волшебник слегка вздохнул. Он знал, что этим молодым людям можно позавидовать, но в итоге они уже для него не важны – они сыграли свою роль.

Поэтому Мирамон сказал:

– Тогда идите своей дорогой, и, если не встретите автора и разрушителя всего живого, это будет для вас хорошо, а если встретите его, это тоже хорошо, потому что таково его желание.

– Я не буду ни искать, ни избегать его, – ответил Мануэль. – Я только знаю, что должен следовать своим помыслам и желанию, которое не удовлетворено сновидениями, даже если они, – юноша, по-видимому, искал сравнение, а затем с улыбкой сказал: – великолепны, как рубины стран Востока.

После чего Мануэль попрощался с Мирамоном и его красавицей женой и стал спускаться с волшебного Врейдекса вместе со своей замухрышкой Ниафер. Оба были довольны, потому что с ними шло счастье, хотя и не очень долго.

Глава V

Засада Вечности

Мануэль и Ниафер без помех спускались с Врейдекса. Нигде не существовало более счастливого, да и более преданного влюбленного, чем юный Мануэль.

– Мы первым делом поженимся, милая коротышка, – говорил он, – и ты сможешь исполнить мой гейс, а после мы отправимся в путешествие на край земли, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить.

– Вероятно, нам лучше подождать до следующей весны, когда дороги станут лучше, Мануэль, но мы непременно первым делом поженимся.

В залог этого Ниафер позволяла Мануэлю поцеловать себя, и юный Мануэль говорил в очередной раз:

– Нигде нет такого счастья, как мое счастье, и любви, как моя любовь.

Вот так переговариваясь и вот так развлекаясь, они спустились к подножию серой горы и к старым кленам, под которыми обнаружили двух людей, явно кого-то поджидавших. Один – высокий мужчина, – сидя на белом коне, держал поводья другого черного коня без всадника. Шляпа у него была надвинута на лицо так, что едва можно было разглядеть его черты.

У второго – рыжего, с непокрытой головой – была внешность юнца, но его лица также было не разобрать, поскольку он сидел на обочине и подравнивал ногти маленьким ножичком с зеленой рукояткой.

– Приветствую вас, друзья, – сказал Мануэль, – и кого же вы здесь ждете?

– Я жду того, кто поскачет на моем черном коне, – ответил всадник. – Предписано, что первый, кто пройдет здесь, сядет в это седло, но вас двое, вы идете в обнимку. Поэтому выберите, кто из вас будет первым.

– Это отличный конь, – сказал Мануэль, – скакун, достойный Шарлеманя, или Гектора, или любого из знаменитых героев старины.

– Все они скакали на моем черном коне, – ответил незнакомец.

– Мне страшно, – прошептала Ниафер. Над ними в редкой, побуревшей листве кленов зашуршал украдкой ветер.

– Да, это отличный скакун, хоть и старый, – продолжил незнакомец, – он самый быстрый и неутомимый скакун, обгоняющий всех. Некоторые, правда, считают за недостаток, что его всадники не возвращаются, но всем не угодишь.

– Мой друг, – сказал Мануэль переменившимся голосом, – кто ты и как тебя зовут?

– Я – брат Мирамона Ллуагора, повелителя девяти снов, но я – повелитель другого рода сна. А что до моего имени, то оно – в твоих мыслях. Это то, что больше всего страшит тебя, это то, о чем все думают с рождения.

Наступила тишина. Мануэль заставил губы двигаться.

– Если б мы шли по другой дороге! – сказал он. – Если б остались в стране сновидений!

– Все высказывают сожаления при встрече со мной. Но это уже не играет никакой роли.

– Если бы не выбор, то мне было бы легче вынести это. Ты говоришь, что только один последует за тобой, и если я скажу: «Ниафер» – я всегда буду помнить об этом и ненавидеть самого себя.

– Но я скажу то же самое! – Ниафер прижалась к нему: она дрожала.

– Нет, – заметил всадник на белом коне, – ты можешь выбрать.

– Увы, – ответил Мануэль, – другого я произнести не смогу. Однако мне бы хотелось, чтобы меня не принуждали в этом признаваться. Это звучит дурно. Так или иначе, я люблю Ниафер сильнее, чем кого бы то ни было, но я не могу ставить жизнь Ниафер выше своей,

было бы просто нелепо так думать. Нет, моя жизнь мне весьма необходима, и на меня наложен гейс – я должен создать статую на этом свете, прежде чем покину его.

– Мой дорогой, – сказала Ниафер, – ты выбрал правильно.

Всадник ничего не сказал. Но он снял шляпу, и они затрепетали. Было видно родство с Мираном, поразительное сходство, но они ни разу не видели на лице изобретателя иллюзий того, что увидели здесь.

Затем Ниафер шепотом попрощалась с Мануэлем. Они поцеловались. После чего Мануэль помог ей подняться в седло, и Ниафер ускакала с Дедушкой Смертью вместо Мануэля.

– Сердце мое разрывается, – сказал Мануэль, мрачно рассматривая свои ладони, – но лучше она, чем я. Все же это скверное начало: вчера у меня в руках было огромное богатство, сегодня – огромная любовь, а сейчас я потерял все.

– Но в отношении того, как в чем-либо добиться успеха, вы рассуждаете неверно, – сказал другой незнакомец.

Теперь он перестал заниматься ногтями и поднялся. Было видно, что это высокий художавый юнец, правда, не такой высокий, как Мануэль, и, конечно, не такой мощный, с румяными щеками, широко расставленными карими глазами и выющимися темно-рыжими волосами.

Мануэль вытер о штаны свои влажные руки, и они зашагали вместе с этим юношей и тот рассказал о том, что было, и о том, что должно случиться. Мануэль сказал ему:

– Для меня, Горвендил (поскольку таково твое имя), подобные речи бессмысленны и не дают никакого утешения моему горю от потери Ниафер.

– Это лишь начало твоих утрат, Мануэль. Я думаю, что постепенно ты потеряешь все, некогда желанное, пока наконец не останется у тебя лишь пресыщение, усталость и тихое отвращение ко всему, что человеческая мудрость твоих предков побуждала тебя выполнить.

– Но, Горвендил, разве можно предсказать будущее? Или, может, Миранон прав, сказав, что вместе со смертью и судьба встречает покидающего эту гору?

– Нет, Мануэль, я не скажу, что я судьба или один из Леших, мне, скорее, кажется, что я сумасшедший. Поэтому чем меньше ты будешь меня слушать, тем лучше. Должен сказать тебе, что эта пустынная местность, эта гора, эта дорога, эти старые клены и вон тот камень существуют только в моем воображении; и ты, и эта Ниафер, от которой ты избавился не самым гуманным образом, и Миранон со своей прекрасной строптивой женой – все вы кажетесь мне персонажами, которых я придумал; и все происходящее на этом свете кажется мне лишь моими собственными фантазиями.

– Что ж, тогда определенно я бы сказал, или, скорее, я бы подумал, что необходимо сказать, что ты безумен.

– Ты говоришь без колебаний, и это происходит из-за твоей способности немедля осаживать чужие фантазии, благодаря чему ты, возможно, добьешься успеха.

– Да, но, – медленно спросил Мануэль, – что такое успех?

– В глубине твоей души, по-моему, этот вопрос уже решен.

– Несомненно, у меня есть свое мнение, но я спрашиваю о твоём.

Горвендил посмотрел сурово и, однако же, лукаво.

– Я где-то слышал, – говорит он, – что в своей высшей степени успех – всего лишь достижения бесхвостой обезьяны, отчаявшейся забраться на самый верх, но, однако, воображающей себя символом – неким полномочным представителем Всемогущего.

Мануэль, похоже, намотал это на ус.

– А чем занимается преуспевающая обезьяна?

– Она блуждает, переходя от тайны к тайне, при помощи жалких паллиативов, ничего не понимая, жадная во всех своих желаниях и одновременно пронизанная трусостью, но, однако,

когда доходит до дела, готовая отдать все, даже умереть, ради той бредовой идеи, что она – наместница и наследница Небес.

Мануэль покачал своей небольшой головой.

– Ты употребляешь слишком много ученых слов. Но, насколько могу тебя понять, это не тот успех, о котором я мечтаю. Нет, я – Мануэль, и я должен следовать своим помыслам и своему желанию, не глядя на других людей и их представления об успехе.

– Что касается этого, то я вижу (будучи свидетелем того, как ты недавно избавился от своей возлюбленной), что ты уже в значительной степени освоил этот вид отрицания.

– Ха, но ты не знаешь, что происходит здесь, – ответил Мануэль, ударив себя в широкую грудь. – И я не стану говорить тебе об этом, Горвендил, поскольку ты не есть ни судьба, ни один из Леших, чтобы удовлетворить мое желание.

– А какое бы у тебя было желание?

– Я хочу всегда получать все, что могу пожелать. Да, Горвендил, я часто думал, почему в древних легендах, когда предложено три желания, никто не просит чего-то разумного и расчетливого с первого раза.

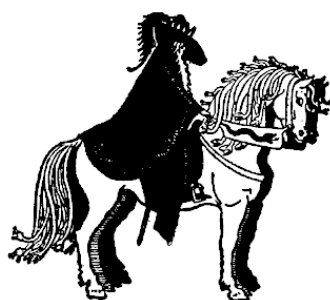
– Какая нужда беспокоить Леших по поводу такого скромного желания, если все всегда можно купить за определенную цену – получить все, что захочешь? Тебе нужно лишь идти вон туда, – показал Горвендил и объяснил Мануэлю одну, на первый взгляд, странную и рискованную затею. Затем он с грустью сказал:

– В этом-то пустяке в Михайлов день я не могу отказать никому. Но должен назвать тебе цену: по достижении каждого желания ты будешь ощущать, чего оно стоит!

Сказав это, Горвендил раздвинул кусты у дороги.

Там его ждала прекрасная, цвета сумерек, женщина в зеленом с голубым платье. На голове у нее сверкала голубая диадема, увенчанная зелеными перьями, в руке она держала вазу. Горвендил шагнул к ней, и кусты за ним сомкнулись.

Мануэль остался один. Ошеломленно озираясь, он прошел немного по дороге, а потом бросился ничком на землю и зарыдал. Причиной этого, как считают, было то, что юный Мануэль полюбил Ниафер так, как он не мог любить больше никого. Поплавав, он поднялся и отправился к Гарантонскому пруду – он возвращался домой, так ничего и не достигнув, во всем потерпев поражение.

Глава VI

Расчетливость Мафи

Все, что случилось на этот раз у Гарантонского пруда, доподлинно не известно, но, судя по всему, оказалось достаточно любопытным, чтобы придать мыслям Мануэля новое направление, однако при этом его мысли не стали веселей. Во всяком случае, Мануэль вернулся к своей сестре Мафи, которая была женой мельника, безо всякого оптимизма.

– И где тебя носило целую неделю? – спросила Мафь. – Свиньи-то совсем озверели и перерыли всю округу, мукомол целыми днями шпынял меня твоей никчемностью, а эта рыжая Сускинд каждый вечер спрашивала тебя и изводила меня жалобными стенаниями. И по какой такой причине ты хмур?

– У меня есть повод, – вздохнул Мануэль.

Он поведал ей о своих приключениях на Врейдексе, а Мафь сказала, что это доказывает, к чему приводит пренебрежение своими прямыми обязанностями, заключающимися в просмотре за свиньями ее супруга. Затем Мануэль поведал ей о том, что случилось у Гарантонского пруда.

Мафь укоризненно покачала головой:

– Бесстыдник, ведь твоя Ниафер едва устроилась в раю, а твоя Сускинд воет о тебе в своих сумерках! Впрочем, это, наверно, Алианора – Недоступная Принцесса. Говорят, это она появляется в виде лебедя с той стороны Бискайского залива – прилетает из далекой страны Прованс, чтобы искупаться в нашем пруду, навевающим странные сны, а потом она надевает платье Апсар, когда ей приходится спасаться от такого бесстыдного плута, каким оказался ты.

– Да-да! Одеяние все было из сверкающих белых перьев, сестра. Вот одно, которое сломалось, когда я пытался ее схватить.

Мафь повертела перо в руке.

– Смотри-ка! Первый раз вижу такое чудо! Все же сломанное перо никому не нужно, а я не выношу у себя на кухне всякого хлама, сколько можно тебе говорить?

И Мафь бросила сверкающее белое перо в огонь, на котором подогревалась похлебка. Какое-то время они наблюдали, как горит перо, и Мануэль со вздохом сказал:

– Дни мои расточаются, и моя юность пропадает в безнадежном захолустье, где Сускинд только об одном и думает, где нет никого умнее Ниафер и где нет девушек, прелестных, как Алианора.

Мафь сказала:

– Я никогда не говорила плохого о мертвых. Так что пусть удача и прекрасные слова сопутствуют Ниафер в ее языческом раю. О Сускинд тоже, – Мафь перекрестилась, – чем меньше сказано, тем лучше. Но что до твоей Алианоры, то я тебе скажу, что порядочная девушка не станет летать, показывая свои лодыжки пяти народам, и снимать платье в местах, где может пройти кто угодно, к тому же в понедельник. Это совершенно неприлично, и куда смотрят ее родители?

– Но, сестра, она же принцесса!

– В том-то и дело. Вот я и сожгла это перо, поскольку не годится людям нашего звания что-либо брать у принцесс, пусть даже простое перо.

– Сестра, ты права! Согласен, что нехорошо красть, и это, по-видимому, накладывает на меня еще один долг и еще одно обязательство, которое надо выполнить, потому что, взяв это перо, я взял то, что мне не принадлежало.

– Мальчик, не думай меня одурачить, – когда у тебя на лице такое выражение, я знаю, что ты придумал очередную ерунду. По тому, как ты описал это дело, я догадываюсь, что легкомысленная, совершенно голая принцесса решила, будто ты собираешься отобрать у нее что-

то другое. Поэтому я сожгла перо, чтобы его не узнали и не отправили тебя на виселицу или еще куда похуже. Ты почему не вытер ноги, прежде чем зайти на мою чистейшую кухню? И сколько раз, по-твоему, мне нужно тебе об этом говорить?

Мануэль ничего не сказал. Он, похоже, решал в уме сложную задачу. Потом он вышел на птичий двор мельника, поймал гуся и выдернул у него перо. Затем Мануэль надел свой воскресный костюм.

– Слишком хорош, чтобы ты в нем странствовал, – сказала Мафь.

Мануэль посмотрел сверху вниз на сестру и пару раз моргнул своими странными, сверкающими глазами.

– Глупая, если б я был прилично одет, когда стал господином подозрительного двorca, госпожа Жизель отнеслась бы ко мне серьезней. Я помню, что она сказала о моих локтях.

– По одежке только встречают, – благочестиво ответила Мафь.

– Именно любовь к поговоркам сделала из тебя мельничиху, и ты будешь ею до скончания веков. Теперь я понял причину своих неудач на Врейдексе, а от безумного Горвендила я узнал, что должно случиться.

– Потому ты стал отращивать волосы? – подозрительно спросила Мафь.

Мануэль сказал:

– Да.

– Мальчик мой, нарушение правил может тебе дорого обойтись.

– Тоже рискованная затея, сестричка, однако мы все волей-неволей делаем ставки в этой игре.

– Сейчас ты говоришь чушь...

– Может, и так, но я начинаю подозревать, что и заведомая чушь может принести добрые плоды. Может, я не прав, но проверю свои догадки.

– Интересно, за какой такой дуростью погонишься ты теперь, чтобы только не присматривать за стадом?

– Я – Мануэль, сестра, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, а и то и другое намного выше свиной.

После чего Мануэль поцеловал Мафь и, вновь не попрощавшись с Сускинд, отправился в далекую страну Прованс.

Глава VII

Корона Мудрости

Случилось так, что, когда король Гельмас поехал на охоту в Невет в первое полнолуние после осеннего равноденствия, называемое Луной Охотника, ему повстречался громадный, пышущий здоровьем малый, весьма достойно одетый во все черное, у которого был странно опущен один глаз и который, по-видимому, искал приключений в осеннем лесу. И тут король вспомнил, что ему предсказали.

– Что это я вижу у тебя в кармане завернутое в красный шелк?

– Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

– Да славится твоя темная магия, мой друг, однако за какую цену ты продашь мне это перо?

– Но перо никому не нужно, король, ибо, как видите, это совершенно обычное перо.

– Ну, ну! – рассмеялся король. – Разве где-нибудь заворачивают обычное перо в красный шелк? Мой друг, не думай обмануть короля Албании Гельмаса, а то не поздоровится. Я точно узнаю в этом сверкающем белом пере перо, которое потеряла в лесу во время линьки Жар-Птица – еще в древности, до того, как мои деды пришли в эту страну. Ибо предсказано, что такой вот молодой кудесник, как ты, принесет глупейшему королю, правящему Этиопами, это перо, которое дарует его владельцу совершеннейшую мудрость. И для тебя было бы богохульством оспаривать пророчество.

– Я не оспариваю вашу глупость, король Гельмас, да не оспариваю и ничьих пророчеств в мире, где нет ничего определенного.

– Однако, по крайней мере, определено, – заметил король Гельмас, строго нахмурившись, – а именно то, что среди Этиопов все, оспаривающие пророчества, сжигаются на костре.

Мануэль чуть вздрогнул и сказал:

– Оно мне кажется самым обычным пером. Но ваши пророки – без сомнения, вполне заслуженно – больше славятся мудростью, чем я, а смерть на костре достаточно непривлекательна! Поэтому я вспоминаю, что говорил мне один сумасшедший, и, раз вы уверены, что это перо Жар-Птицы, я продам его вам за десять цехинов.

Король Гельмас неодобрительно покачал головой.

– Так вообще не пойдет, эта цена меня не устраивает, поскольку предсказано, что за это перо ты попросишь десять тысяч цехинов.

– Я особо не желаю показаться неверующим теперь, когда стал молодым кудесником. Поэтому вы лучше получите перо за вашу цену, и не будем мешать исполнению пророчеств.

Затем Мануэль поехал на одном коне с королем, не хотевшим выпускать Мануэля из поля зрения, и так они добрались до Брунбелуа и до увитого плющом дворца короля Гельмаса. Они приблизились к двум аркам, расположенным по соседству: меньшая для пешеходов, а другая для всадников. Над ними в нише находилась конная статуя и большое окно, разукрашенное узорами из сердец и чертополохов.

Они въехали в большую дверь, и в тот же день двенадцать герольдов в ярко-красных камзолах, расшитых золотыми цветами чертополоха, выехали из этой двери, чтобы объявить об исполнении пророчества, касающегося пера Жар-Птицы, и в тот же день жрецы Этиопов вознесли благодарения во всех подземных храмах. Простой люд, который последние десятки лет стыдился того, что живет под властью такого короля дурака, обнимался, танцевал и распевал патриотические песни на каждом углу. Собрался Нижний Совет и проголосовал, что, из уважения к его величеству, День Всех Дураков изымается из календаря. Впрочем, королева Пресина (родом из водяных), в спешке сжигая личные бумаги, заявила, что на это следует

посмотреть и с другой стороны. Вечером были устроены фейерверки, король произнес речь, а Мануэлю заплатили десять тысяч цехинов.

Потом Мануэль в течение месяца пребывал при дворе короля Гельмаса, отмечая повсюду то, что казалось самым примечательным. Его весьма полюбила знать, и, когда бароны и светские дамы собирались по вечерам потанцевать паваны и бранли, никто не танцевал более величаво, чем мессир Мануэль. Он был тих с дамами, а с баронами – прост, что восхищало в могучем кудеснике, чья магия принесла королю давно желанное перо Жар-Птицы. «Но самый ученый, – как справедливо сказал король Гельмас, – всегда самый скромный».

Теперь Гельмас носил перо из крыла мельникова гуся прикрепленным ко второй своей самой лучшей короне, потому что в ней он обычно вершил суд. И когда по округе пронесся слух, что у короля Гельмаса перо Жар-Птицы, Этиопы с радостью шли под суд, а соседние короли начали отсылать к нему наиболее запутанные дела, и все его приговоры воспринимались с благоговением, поскольку все знали, что мудрость короля Гельмаса теперь непогрешима и что критиковать его вердикты – лишь выказывать собственное скудоумие.

И теперь, когда сомнения в самом себе покинули его душу, Гельмас жил без забот, улучшилось его пищеварение, а его доброта была бесконечна, поскольку он не мог гневаться на жалких недоумков, которые были беспомощны там, где он, Гельмас, все раскумекивал до тонкостей. И все его деяния были милосердными и справедливыми, и народ славил его. Даже королева согласилась, что можно привыкнуть к его манерам, но, чтоб из тебя не сделали «тряпку», надо проявить некоторую твердость и заставить его понять раз и навсегда, что ждать, пока он явится к столу, не будут. Впрочем, по ее мнению, некоторым женщинам бывает и хуже.

А Мануэль между тем достал глину и вылепил фигуру молодого человека, у которой были черты лица и мудрый взгляд короля Гельмаса.

– Я вижу сходство, – сказал король, – хотя в ней и не отдается мне должного. Однако любопытно, почему ты изобразил меня совершенным молокососом и, кроме того, сделал похожим на себя?

– Не знаю, – ответил Мануэль, – но, полагаю, из-за гейса, наложенного на меня: я должен создать великолепного и восхитительного во всех отношениях молодого человека, а не старика.

– И тебя эта скульптура удовлетворяет? – спросил король с мудрой улыбкой.

– Она мне нравится сейчас, когда только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своему желанию, а мудрость мне ни к чему.

– Эх вы – художники! – сказал король. – Сейчас я бы посчитал, несмотря на всю мощь твоих чар, что мудрость тебе, мессир Мануэль, крайне необходима, особенно если ты собираешься ехать куда-то еще, дабы искать нужный вид для своей фигуры. Я тебе скажу, что такие разъезды в поисках неопределенных выразительных средств не кажутся мне наделенными здравым смыслом.

Но юный Мануэль твердо ответил:

– Я разъезжаю, чтобы собрать для себя про запас все, что есть у жизни. Я уверен, что мой урожай взойдет из семени, которое я сам посеял. Мой гейс – силен, и, рано или поздно, я исполню его, и дальнейшая судьба будет наградой мне как плата за фигуру, которую я создаю в этом мире людей.

– Я вижу детали, однако в целом фигура скрыта от меня, лишь порой она мерцает вдали, будто в свете некоего сна. И неважно, любовь или отвращение родится во мне, когда ее лицо станет видно отчетливо, – как скажет судьба, так скажу и я, служащий своему гейсу, потому что в свое время возьму плату, что по справедливости мне положена за фигуру, которую я создаю в этом мире людей. Этому творению я отдаю все силы юности, весь пыл и знаю, что никакие таланты, которыми наделил меня Бог, не дадут мне ничего, если провалится эта затея. Потому все, что есть у меня, должен я привнести в этот образ, дабы сделанное мною осталось

жить, когда время разделяется и со мной и смерть отделит меня от фигуры, которую я создаю в этом мире людей.

На это король весьма сухо заметил:

– В сказанном тобой что-то есть. Но это что-то, могу тебя уверить, отнюдь не мудрость.

Так что все в Албании были счастливы, за исключением Мануэля, заявившего, что он доволен, но не удовлетворен образом, который создал по подобию короля Гельмаса.

– Кроме того, – говорили ему, – вы выглядите так, словно ваша душа чем-то вас тревожит.

– По сути, я просто ошеломлен при виде того, как ожидаемая от дурака мудрость сделала его умником.

– Но это же причина для радости и подтверждение могущества ваших чар, мессир Мануэль, тогда как вы просто думаете о сопряженных с неприятностями материях.

Мануэль же ответил:

– Я думаю, нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что мудрость весит ровно столько, сколько и перышко.

Затем Мануэль зашел на птичий двор короля Гельмаса, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. В этот раз Мануэль выехал разодетый, в парчовых штанах и при золотых шпорах. Статуя, которую он создал по подобию короля Гельмаса, была упакована в роскошный дорожный мешок из тисненой кожи. В этот путь, по дороге на юг, огромный Мануэль отправился на здоровенном, под стать ему, коне в яблоках, ибо денег у Мануэля теперь было полным-полно.

Глава VIII Нимб Святости

Далее Мануэль на корабле пересекает роковой Бискайский залив, постоянно держа курс на Прованс и Алианору, которую называли Недоступной Принцессой. Говорят, что за кораблем следовал Пловец Ориандр, однако он не пытался причинить вреда Мануэлю.

Затем Мануэль ступает в страну порочного короля Фердинанда, и в День Всех Святых громадного, пышущего здоровьем молодого человека приводят в королевскую камеру пыток. Король Фердинанд в то время не бездельничал, но он достаточно милостиво отвлекся от своих занятий, и почти тотчас же его жизнерадостное лицо помрачнело.

– Боже мой! – говорит Фердинанд, роняя раскаленные добела клещи в ведро с водой. – А я надеялся, ты не побеспокоишь меня еще добрый десяток лет!

– Если я вообще вас беспокою, то это чистая случайность, – очень вежливо заявляет Мануэль, – да я бы по своей воле и не зашел сюда. И, не говоря худого об обстановке этих покоев, тут есть пара предметов, которые, по-моему, выдают застенки.

– Так может и оказаться. Между тем что это у тебя в кармане завернутое в красный шелк?

– Это перо, король, завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

Тут Фердинанд вздохнул и с сожалением оторвался от своих любимых экспериментов, от того, что осталось от маркиза де Энестрозы, к которому этим утром у короля появилась неприязнь.

– Так-так! – сказал Фердинанд. – Однако, в конце концов, я провел прекрасные времена в гнусностях и беззаконии, и есть на что оглянуться! Итак, за какую цену ты продашь мне это перо?

– Но наверняка перо никому не нужно, король, разве оно не кажется совершенно обычным пером?

– Ну-ну! – говорит король Фердинанд, намывая руки. – Разве где-нибудь заворачивают обычные перья в красный шелк? Косоглазый мошенник, не думай лишить меня вечного блаженства подобными, дурацкими речами! Я узнал в этом пере перо, которое Милка вырвала из левого крыла архангела Орифиила, когда сыны Божии находились в более запутанных и скандальных отношениях с дочерьми человеческими, чем принято ныне.

– В общем, сударь, – ответил Мануэль, – может, вы и правы, в мире нет ничего определенного. В любом случае я сделал вывод, только завидя эту пару предметов, что лучше не спорить с королем Фердинандом.

– Как я могу быть не прав, когда давным-давно предсказано, что такой божественный посланник, как ты, принесет эту священную реликвию, чтоб отвратить меня от грехов и сделать из меня святого?

– Мне оно кажется совершенно обычным пером, король. Но я помню, что сказал мне один сумасшедший, и не считаю, что ваши пророки умнее меня, ведь я сделался божественным посланником совсем недавно.

– Тогда назови цену.

– Думаю, было бы более уважительным, сударь, справиться у пророков, ибо я нахожу их щедрыми и великодушными существами.

Фердинанд кивнул в знак одобрения.

– Весьма благочестивая речь, поскольку в пророчестве говорилось, что эта реликвия будет дана мне вообще без вознаграждения крупным дворянином. Поэтому я должен тотчас же составить тебе грамоту, полагаю, на графский титул, и должен отписать тебе вчерашним числом плодородные земли и крепкий замок или два.

– Несомненно, – сказал Мануэль, – для вас было бы неразумно пренебречь соответствующим уважением к такому знаменитому пророчеству, тем более что чернильница у вас под рукой.

Поэтому король Фердинанд послал за графом Пуактесмским и объяснил ему по старой дружбе, как обстоят дела, и в тот же день высокородного графа исповедали и обезглавили. Пуактесм стал теперь вакантным местом и король Фердинанд пожаловал Мануэлю дворянство и сделал его графом Пуактесмским.

Правда, тогда всем Пуактесмом владел герцог Асмунд, возглавлявший войско норманнов, с презрением отрицавший власть короля Фердинанда и побеждавший его на поле брани с досадным постоянством. Так что Мануэль в настоящее время не приобрел ничего, кроме громкого титула.

– Я думаю, что очень скоро какая-нибудь беда случится с Асмундом и его гнусными приспешниками, и нам не нужно будет из-за них волноваться, – успокоил Мануэля король Фердинанд.

– Но как я могу быть в этом уверен, сударь? – спросил Мануэль.

– Граф, меня удивляет подобный скептицизм! Разве не ясно утверждается в Священном писании, что, хотя нечестивые могут какое-то время процветать, они вскоре будут подкошены, как зеленеющее дерево?

– Да, разумеется. Поэтому нет сомнения в том, что ваши воины скоро победят герцога Асмунда.

– Но я не должен посылать солдат воевать против него сейчас, когда я – святой. Это выглядело бы неприлично и имело неблагочестивый вид подсказки Небесам.

– Все же, король, вы посылаете войска против мавров...

– Ах, но это же не ваши земли, граф, а мой город Уведа, на который напали мавры, а нападать на святого, что вы без сомнения должны понимать, опасная ересь, подавить которую – мой долг.

– Да, разумеется. Значит, вот так! – сказал Мануэль. – Что ж, быть графом – это кое-что, и лучше бережно носить красивое имя, чем караулить стадо свиней, хотя, по-видимому, со свиньями не пропадешь с голоду.

Между тем герольды короля в парадных доспехах разъехались по округе, чтобы объявить об исполнении древнего пророчества, касающегося пера архангела Орифила. Никогда прежде не бывало в этих краях такого шума, ибо в колокола всех церквей звонили день-деньской, а весь народ бегал вокруг, молясь что есть мочи, прощая родственников, целуя девушек, свистя в свистки и звеня бубенчиками, поскольку город теперь стал прибежищем реликвии настолько священной, что и последний грешник, лишь коснувшись ее, очищался от любой скверны.

В этот день король Фердинанд прогнал дурных сотоварищей, с которыми он так долго буйствовал, прибегая ко всем возможным порочным способам, и зажил, как святой. Он строил по две церкви в год и питался одними кореньями и травами; он ежедневно мыл ноги трем беднякам и ходил в рубище; когда сжигали еретиков, он сам приносил и складывал дрова, чтобы никого не обременять; и он сделал матерями-настоятельницами своих самых близких подруг прежних дней, поскольку знал, что люди делаются святыми при соприкосновении со святостью.

А граф Мануэль пребывал в течение месяца при дворе короля Фердинанда, отмечая повсюду то, что казалось самым примечательным. Мануэль в основном нравился избранным, и по вечерам, когда двор собирался на домашнюю молитву, никто не был более набожен, чем граф Пуактесмский. Он был тих с матерями-настоятельницами, а с анахоретами и епископами – прост, что не могло не восхищать в божественном посланнике. «Особая благосклонность Небес, – как указывал король Фердинанд, – всегда сберегается для скромных людей».

Перо из крыла гуся Гельмаса король Фердинанд велел прикрепить к неприязательной камилавке с нимбом из золотой канители, которую он теперь носил вместо тщеславной земной короны, чтобы постоянная близость с этой реликвией умножала его святость. И теперь, когда его душу покинула неуверенность в самом себе, Фердинанд жил без забот, и его пищеварение улучшилось за счет легкой диеты из кореньев и трав, и его доброта была бесконечна, поскольку он не мог сердиться на жалких грешников, которых ожидают бесконечные муки ада или чистилища, в то время как Фердинанд в раю будет играть на золотой арфе.

Поэтому Фердинанд со всеми обходился мягко и великодушно. Половина его подданных говорила, что это им все просто кажется, а остальные утверждали, что в самом деле такое вполне возможно, что они всегда мечтали об этом и теперь думают только о том, чтобы молодежь извлекла для себя пользу и относилась к подобным вещам посерьезней.

А Мануэль достал глину и вылепил фигуру, у которой были черты лица и кроткий взгляд Фердинанда.

– Да, в этом молодом человеке, которого ты сделал из грязи, есть что-то от меня, – согласился король, – хотя материал, конечно же, не может передать цвет лица и красный нос, которые у меня были до духовного возрождения, когда я думал о всякой тщете; и, кроме того, он весьма похож на тебя. Все же, граф, в этой вещи есть чувство, здоровье, она свежа и свободна от модного сейчас болезненного внимания к анатомии, и это делает тебе честь.

– Разумеется, король, мне эта фигура нравится сейчас, когда она только закончена, но я почему-то уверен, что это не та фигура, которую я мечтаю создать. Нет, я должен следовать своим помыслам и своим желаниям, и святость мне ни к чему.

– Эх вы, художники! – сказал король. – Но у тебя на уме нечто большее, чем грязь месить.

– По сути, король, я ошеломлен тем, как создали святого, и тем, как легко все достается, если этого от вас ждут.

– Пустяки, граф, это никого не должно печалить, я пока не жалуясь. Но на самом деле ты думаешь о чем-то более серьезном.

– Я думаю, сударь, что нехорошо что-то у кого-то красть, и считаю, что абсолютная праведность – это красивое перо на шапочке.

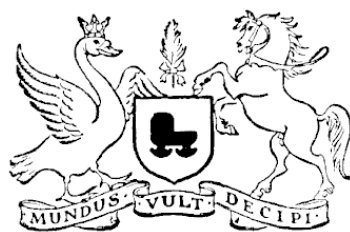
Затем Мануэль зашел на птичий двор за дворцом короля Фердинанда, поймал гуся и выдернул у него из крыла перо. После чего граф Пуактесмский выехал на громадном в яблоках коне и пустился в путь на восток, в сопровождении свиты. Шестеро слуг в желто-голубых ливреях галопом скакали за ним, двое везли впереди в мешках с золотой диадемой изваяния, созданные доном Мануэлем. А третий – оруженосец – вез щит дон Мануэля, на котором был изображен вставший на дыбы и взнузданный жеребец Пуактесма, но у старого герба пришлось изменить девиз.

– Что это за латынь? – спросил дон Мануэль.

– «Mundus decipit», граф, – сказали ему, – древний благочестивый девиз Пуактесма: он означает, что дела мира сего – суетная мимолетная видимость и что земные подвиги нигде особо не ценятся.

– Подобный девиз обнаруживает крайнюю неопытность хозяина, – сказал Мануэль, – и для меня носить его было бы черной неблагодарностью.

Поэтому надпись переписали в соответствии с его указаниями, и теперь она гласила: «Mundus vult decipi».

Глава IX

Перо любви

В таком виде граф Мануэль появился рождественским утром – через два дня после того, как ему исполнился двадцать один год, – в Провансе. Эта страна, имевшая славу колдовской, никоим образом не показала каких-либо необычных особенностей, если не считать того, что мраморный королевский дворец был огорожен серебряными пиками, на которых торчали набальзамированные головы молодых людей, домогавшихся руки принцессы Алианоры. Слугам Мануэля сперва это не понравилось, и они сказали, что мертвые головы не подходят к рождественскому убранству, но дон Мануэль объяснил, что во время всеобщего веселья такой палисад тоже выглядит забавно, тем более (погода в этих краях стояла, в сущности, невиданная), ночью выпал снег и кажется, что на каждую голову надели ночной колпак.

Мануэля провели к Раймону Беранже – графу Прованскому и королю Арльскому, устроившему рождественский пир в теплом зале. Раймон восседал на изящном троне из резной слоновой кости и золота под пурпурным балдахином, а рядом с ним на точно таком же троне, только чуть поменьше, сидела дочь Раймона Беранже Алианора – Недоступная Принцесса в платье из муарового шелка семи цветов, отороченном темным мехом. В ее короне выделялись хризолиты и аметисты: чудо, насколько ярко они сверкали, но они были не так прекрасны, как глаза Алианоры.

Она пристально смотрела на Мануэля, идущего по залу с высоко поднятой головой, где, согласно рангам, сидели бароны. Говорят, у нее было четыре причины запомнить этого дерзкого, громадного, косоглазого, белобрысого малого, которого она повстречала у Гарантонского пруда. Она зарделась и заговорила с отцом на свистяще-шипящем языке, которым пользуются в своем кругу Апсары. И отец смеялся долго и громко. Отсмеявшись, Раймон Беранже говорит:

– Все могло бы выйти намного хуже. Ну-ка, скажи мне, граф Пуактесмский, что это я вижу у тебя в нагрудном кармане завернутое в красный шелк?

– Это перо, король, – заученно отвечает Мануэль, – завернутое в лоскут от лучшей юбки моей сестры.

– Ага, – говорит Раймон Беранже с усмешкой, становящейся даже благожелательной, – и мне не надо спрашивать, какую цену ты ожидаешь за это перо. Тем не менее ты – знаменитый искусный волшебник благородного сословия, который, без сомнения, убил достаточное количество великанов и драконов и который навсегда отвращает королей от глупости и порочности. Ты появился в моем королевстве далеко не незнакомцем, ибо добрая молва обгоняет добрые деяния. И, повторяю, все могло бы выйти намного хуже.

– Теперь послушайте все вы, что празднуете здесь Рождество! – вскричал Мануэль. – Не так давно я украл у вашей принцессы перо, и этот грех у меня на душе был тяжелее пера, поскольку я взял то, что мне не принадлежало. Поэтому я посчитал за долг отправиться в Прованс, чтобы вернуть ей его. Однако по дороге случилось так, что в день Святого Михаила я принес мудрость в одно королевство, а в день Всех Святых я принес благочестие в другое королевство. И только Небеса знают, что я принесу в ваше королевство в самый светлый праздник Небес. На первый взгляд, перо может показаться совершенно обыкновенным. Впрочем, жизнь на белом свете, как я обнаружил, намного страннее, чем некогда представлялось юному свинопасу в его плетеной хижине, а люди повсюду питаются собственной верой так, как не сможет никого насытить никакая свинина.

Раймон Беранже, с мудрым видом кивнув, сказал:

– Я чувствую, что у тебя на сердце, и равным образом вижу, что у тебя в кармане. Так зачем ты говоришь мне то, что все знают? Все знают, что платье Апсар, являющееся главным сокровищем Прованса, потеряло силу, так что моя дочь не сможет больше летать в виде лебедя,

пока перо, которое у тебя в кармане, не будет с древними магическими формулами возвращено на место.

– В самом деле, это все знают! – говорит Мануэль.

– Все знают также, что моя дочь чахнет, потеряв возможность двигаться на свежем воздухе и по желанию менять климат. И, в конце концов, все знают, что, по самому благоразумному совету дочери, я пообещал ее руку тому, кто вернет это перо, и смерть всякому наглецу, который посмеет войти сюда без него, чему свидетельством ограда моего дворца.

– Ах, ах! – с улыбкой говорит Мануэль. – По-видимому, сия чаша еще не миновала меня!

– За этим, как ты признался, ты и появился в Провансе; и мне, у которого глаза еще видят, надеюсь, нет нужды говорить, что ты успешно достиг цели. Так зачем ты продолжаешь говорить мне о том, что я знаю так же хорошо, как и ты?

– Но, король Арльский, откуда вы знаете, что это не простое перо?

– Граф Пуактесмский, разве люди где-нибудь...

– О, избавьте меня от этой обывательской логики, сударь, и я соглашусь с чем пожелаете!

– Тогда прекрати городить чушь и возврати моей дочери перо!

Мануэль взошел к белому трону Алианоры.

– Мне выпала удивительная судьба, – сказал Мануэль, – но еще более странно и невозможно то, что я стою возле вас и держу вашу маленькую ручку. Вы, вероятно, не настолько красивы и умны, как Ниафер. Тем не менее ваша прелесть, Недоступная Принцесса, избавила меня от тщетной печали уже через полчаса после того, как я потерял Ниафер. Ваша красота зажгла мечту и неудовлетворенность в сердце свинопаса, дабы вывести его в мир на запутанные дороги и вершины, а в самом конце поставить его в золоте, атласе и дорогих мехах здесь, у вашего трона; и в самом конце рука Недоступной Принцессы лежит в его руке, а в его сердце – горе.

Принцесса же сказала:

– Я ничего не знаю об этой Ниафер, которая, вероятно, не лучше, чем ей следует быть, да и не догадываюсь о причине вашего горя.

– А разве не правда, – неуверенно спросил Мануэль, – что вы обязаны выйти замуж за человека, вернувшего перо, украденное у вас близ Гарантонского пруда, и не можете выйти замуж ни за кого другого?

– Правда, – ответила она прелестным, слегка испуганным голосом, – и я уже не печалюсь, что это так, и, по-моему, с вашей стороны невежливо горевать по этому поводу.

Мануэль невесело рассмеялся:

– Вот как, мы век живем и век учимся! Я вспоминаю одного доверчивого малого, который наблюдал, сидя у очага, как сгорает волшебное перо, а думал о капустной похлебке, потому что опыт предков убедил его, что от пера никому нет никакой пользы. И это после того, как он видел, что можно сделать со старой уздечкой, утиным яйцом, с чем угодно! В общем, вода, прорвав плотину, должна течь дальше, даже если это поток слез...

Тут Мануэль слегка пожал широкими плечами. Он вынул из кармана перо, которое выдернул из крыла Фердинандова гуся. Он сказал:

– Некое перо я взял у вас в красном осеннем лесу, и некое перо я возвращаю теперь вам, моя принцесса, в вашем белом дворце, не прося никакой награды и не требуя помнить обо мне до конца дней, но лишь стараясь не оставить ни одного обязательства невыполненным и ни одного долга неоплаченным. А лучше ли в этом мире, где нет ничего определенного, одно перо другого, я не знаю. Вполне может статься, что я прямо сейчас приму судьбу из прекрасных уст, и вскоре моя голова будет сохнуть на серебряной пике. Даже при этом я счастлив выкинуть из своей души все сомнения.

Он подал ей перо, которое выдернул из третьего гуся, и трубы затрубили в знак того, что поиски пера Алианоры завершились, а все придворные закричали здравицы в честь графа Мануэля.

Алианора посмотрела на предмет у себя в руке и увидела, что это гусиное перо, ничем не напоминающее то, перо, которое она в девическом смущении, спасаясь от чересчур откровенного напора Мануэля, выдернула из платья Апсар и бросила к ногам Мануэля для того, чтобы отец был вынужден объявить этот конкурс, победитель которого был известен заранее.

Затем Алианора взглянула на Мануэля. Сейчас перед ней странные неодинаковые глаза этого огромного молодого человека были ясны и непоколебимы, как алтарные свечи. Подбородок у него был поднят, и ей казалось, что этот красивый мальчик готов услышать правду, означающую для него смертный приговор. Принцесса не могла этого допустить.

Алианора сказала с прелестной спокойной улыбкой:

– Граф Мануэль успешно завершил поиски. Он вернул мне перо из платья Апсар. Я узнаю его.

– Что ж, разумеется, – сказал Раймон Беранже. – Тогда возьми иглу и рецепт древних магических формул, почини платье и на деле покажи всем моим баронам, что платье возвращена прежняя сила: полетай немного по залу в виде лебедя. Ибо все нужно делать в установленном порядке, дабы не вызвать кривотолков.

Положение донна Мануэля выглядело весьма щекотливым, так как они с Алианорой знали, что платье безнадежно испорчено и добавление любого количества гусиных перьев не превратит Алианору в лебедя. Однако приятное румяное лицо юноши оставалось учтиво послушным желаниям своего хозяина и не меняло выражения.

Но Алианора с негодованием сказала:

– Отец, ты меня удивляешь! Неужели у тебя вообще нет чувства приличия? Тебе следует знать, что не подобает помолвленной девушке летать по Провансу в виде лебедя, тем более над обществом мужчин, которые пили все утро. Это приведет к сплетням и слухам.

– Верно, моя милая, – смущенно сказал Раймон Беранже, – и такие настроения делают тебе честь. Вероятно, я лучше предложу что-нибудь другое.

– В самом деле, отец, я догадываюсь, что ты предложишь. И считаю, ты прав.

– Я не непогрешим, моя милая. Но все же...

– Да, ты совершенно прав. Не к лицу любой замужней женщине иметь подобное платье. Не говоря уж о том, как ты и сказал, что о ней будут нашептывать друг другу люди, да и какие отвратительные шутки она может сыграть со своим мужем.

– Дочь моя, я лишь собирался сказать тебе...

– Да, и ты изложил это неопровержимо. Ибо ты, имеющий славу самого мудрого графа, когда-либо правившего в Провансе, и самого проницательного короля, который был у Арля, отлично знаешь, как люди болтают, и как люди любят поболтать, и как все перетолковывают в худшую сторону; и ты также знаешь, что мужу такая болтовня будет не по душе. Несомненно, я о таком и не думала, отец, но считаю, что ты прав.

Раймон Беранже погладил густую короткую бородку и сказал:

– Поистине, дочь моя, мудрый и проницательный я или нет... хотя, как ты говоришь, конечно, были достаточно добрые люди, чтобы считать... и в прошениях тоже... Однако, может, оно и так, и, оставляя в стороне то обстоятельство, что все любят, когда их ценят, должен признаться, не могу вообразить другого подарка, более подходящего к этому великому празднику, более приятного любому мужу, чем пепел этого платья.

– Вот слова, – заявляет тут Алианора, – вполне достойные Раймона Беранже, и я всегда удивлялась твоей потрясающей способности излагать свои мысли.

– Это божий дар, – с надлежащей скромностью сказал король-граф, – который одним дан, а другим нет, так что за него я особого уважения не заслуживаю. Но, как я говорил, когда

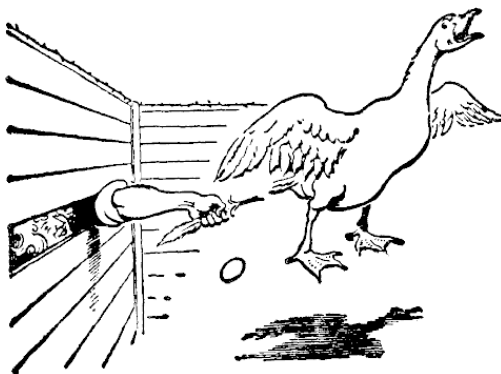
ты меня перебила, моя милая, молодости нужно перебеситься, поскольку (как я часто думал) мы молоды лишь раз, и поэтому я закрывал глаза на твои прогулки по дальним странам. Но муж – это совсем другой коленкор. Мужу не понравится, когда его жена летает над верхушками деревьев, над горами и долами, причем никто за ней не следит: это правда. Поэтому, будь я на твоём месте и имей достаточно мудрости, чтобы послушать старика отца, который любит тебя и мудрее тебя, моя милая... что ж, сейчас, когда ты собираешься выйти замуж, повторяю тебе со всей возможной серьёзностью, моя дорогая, я бы спалил это перо, а заодно и платье, если только граф Мануэль на это согласится. Ибо именно он теперь обладает властью над всем твоим имуществом, а не я.

– Граф Мануэль, – сказала Алианора со своей прелестной спокойной улыбкой, – понимаете, мой отец упрям, а мой долг повиноваться ему. Я не скрываю, что по его настоянию прошу у вас разрешения уничтожить эти волшебные вещи, ценность которых неизмеримо выше женской мольбы. Но теперь я знаю, – они встретились взглядом, и любой молодой человек, имеющий в груди сердце, увидел бы в ясных восторженных глазах Алианоры лишь одну, почти невыносимую радость, – но теперь я знаю, что вы, который должен стать моим мужем и который принес мудрость в одно королевство, а благочестие – в другое, принесет в третье королевство любовь. И я считаю, что это чудо сильнее и прекраснее магии Апсар. И я уверена, что мы с вами вполне обойдемся без всего второсортного.

– Я придерживаюсь того мнения, что вы необыкновенно рассудительная молодая женщина, – сказал Мануэль, – и думаю, что не следует отказывать желаниям будущей жены в мире, где люди питаются своей верой.

Все было согласовано, и большое полено, по обычаю сжигаемое в сочельник, бросили в огонь, где полыхало гусиное перо и платье Апсар. После чего прозвучали фанфары, извещающая, что отбивные Раймона Беранже приготовлены и поперчены, винные бочки откупорены, а запеканки в печи. Затем бывший свинопас разделил рождественский ужин с дочерью короля-графа Алианорой, которую повсюду звали Недоступной Принцессой.

И рассказывают, что пока Алианора и Мануэль уютно сидели перед камином и шелкали орешки, а в паузах любовались, как падает за окнами снежок, призрак Ниафер неугомонно метался по зеленым полям под вечно лучезарным сводом языческого рая. Когда добрые густобровые стражи заинтересовались, что он ищет, беспокойный дух не мог им объяснить, потому что Ниафер отведала летийских вод и забыла дону Мануэля. Только любовь к нему не была забыта, поскольку та любовь стала ее частью, и вот так продолжалась как некое слепое желание или стремление, не знающее своей цели. И еще рассказывают, что Сускинд в своем низком дворце с красными колоннами с одной навязчивой думой все ждала и ждала своего гостя.

ЧАСТЬ II

Книга Расхода

Мануэль часто слышал, как рассказывают о красе королевы Фурий, Гоблинов и Гидр, так что был он ею очарован, хотя никогда ее не видывал; потом же с помощью хитрости своей сделал он Дыру в огне и прошел к ней, а когда говорил с ней, раскрыл он ей свою душу.

Глава X

Алианора

В Пуактесме рассказывают, что сразу после ужина король Раймон послал гонцов к своей жене, проводившей Рождество с их дочерью королевой Французской Мерегреттой, просить госпожу Беатрису вернуться как можно скорее, дабы они смогли выдать Алианору за знаменитого графа Мануэля. Перечисляют также все праздничные увеселения и забавы и говорят, что дон Мануэль великолепно ладил со своей принцессой, и со стороны казалось, что для них обоих, даже для рассеянно-снисходительного юноши, взаимные ухаживания являлись самым чудесным и желанным занятием.

Дон Мануэль в ответ на ревнивые расспросы признавался, что, по его мнению, Алианора не так красива и умна, как Ниафер, и что это едва ли можно исправить. Во всяком случае, принцесса была миловидной рассудительной девушкой, с чем дон Мануэль легко соглашался, а магия Апсар, в которой она его наставляла, по его словам, была очень любопытна, если интересоваться подобного рода вещами.

Принцесса в ответ скромно допускала, что, конечно, ее магия несравнима с его магией, поскольку ее магия властна лишь над телами людей и зверей, тогда как магия дона Мануэля так замечательно управляет сердцами и умами королей. Все же Алианора могла насылать болезни на хлеба и скот, вызывать бури и поражать врага почти любым физическим средством по собственному выбору. Она, разумеется, еще не могла убивать наповал, но и без этого ее безобидные проказы являлись для юной девушки несомненными достижениями. «Как бы то ни было, – говорила она в заключение, – жестоко смеяться над лучшим из того, что она делает».

– Но полно, моя милая, – говорит Мануэль. – Я шучу. В действительности твоя деятельность многообещающа. Нужно лишь совершенствоваться. Говорят, во всех искусствах самое главное практика.

– Да, и с твоей помощью.

– Нет, у меня для занятий есть более серьезные предметы, чем черная магия, – говорит Мануэль, – я обязан снять с себя гейс, прежде чем начать приносить беды другим.

Затем дон Мануэль извлек из мешка оба изваяния и, с досадой осмотрев их, принялся месить глину и лепить очередную фигуру. Эта статуя также напоминала молодого человека, но у него были изящные черты и влюбленный взгляд Алианоры.

Мануэль признался, что, безусловно, доволен, но, даже при этом, не совсем узнал в ней фигуру, которую мечтал создать, и из этого, по его словам, он заключил, что любовь для него не самое главное.

Алианоре изваяние вообще не понравилось.

– Сделать мою статую, – заметила она, – было бы весьма милым комплиментом. Но когда ты начинаешь вольно обращаться с моими чертами лица, словно они тебя не удовлетворяют, и смешивать их с собственными, пока не получается некий молодой человек, похожий на нас обоих, это не комплимент. Наоборот, это с твоей стороны форменный эгоизм.

– Вероятно, если вдуматься, я – эгоист. Но в любом случае я – Мануэль.

– Дорогой, – сказала она, – вовсе не подобает человеку, который помолвлен с принцессой и вскоре станет повелителем Прованса и королем Арля, как только я избавляюсь от отца, вечно копаться в жидкой грязи.

– Я это отлично знаю, – ответил Мануэль, – но тем не менее на меня наложен гейс – исполнить волю покойной матери и создать самую восхитительную и значительную фигуру на свете. Хотя повторяю тебе, Алианора, твой замысел отравить отца, как только мы поженимся, по ряду причин кажется мне неблагоприятным. Я не спешу стать королем Альским, а по сути, вообще не уверен, хочу ли я быть королем, поскольку мой гейс важнее.

– Милый мой, я очень тебя люблю, но моя любовь не закрывает мне глаза на одно обстоятельство: неважно, какие у тебя таланты в колдовстве, в бытовых вопросах ты являешься безнадежно непрактичным человеком. Предоставь это дело мне, и я все устрою со всем уважением к приличиям.

– Ох, а разве следует сохранять приличия даже в таких вопросах, как отцеубийство?

– А как же! Отцу больше подойдет, если он умрет от несварения желудка. Люди будут подозревать беднягу во всех прегрешениях, если станет известно, что его собственная дочь не могла с ним поладить. Во всяком случае, мой милый, я решила, что, поскольку, к большому счастью, у отца нет сыновей, ты станешь королем Арльским до конца наступившего года.

– Нет, ведь я – Мануэль, а для меня больше значит быть Мануэлем, чем королем Арльским, графом Прованским, сенешалем Экса, Бриньоля, Грасса, Массилии, Драгиньяна, и прочее, и прочее.

– Ах, таким пренебрежением к своим истинным интересам ты разбиваешь мне сердце! А все из-за трех отвратительных изваяний, которые ты ставишь выше, чем древний трон Босона и Ротбольда, и гораздо выше меня!

– Ну, я же этого не сказал.

– Да, и к тому же ты только и думаешь об этой своей умершей служанке-язычнице, а не обо мне – принцессе и наследнице королевства.

Мануэль, прежде чем заговорить, довольно долго смотрел на Алианору.

– Моя милая, ты, как я тебе уже говорил, необычайно миловидная и рассудительная девушка. И да, ты, конечно же, принцесса, хотя ты уже больше не Недоступная Принцесса, что, несомненно, имеет значение... Но самое главное в том, что не может быть второй Ниафер, и было бы нелепо делать вид, что это не так.

Принцесса же сказала:

– Потрясающе! Ты владеешь странным колдовством, не известным Апсарам. После чудес, которые ты сотворил с Гельмасом и Фердинандом, твое искусство неоспоримо. У меня

тоже в этом деле немного набита рука, и несправедливо с твоей стороны обращаться со мной так, будто я грязь у тебя под ногами. И я это выношу! Я не понимаю, я удивляюсь самой себе, и мое единственное утешение в том, что твоя расчудесная Ниафер мертва и с ней покончено.

Мануэль вздохнул.

– Да, Ниафер мертва, и эти изваяния тоже мертвы, это постоянно меня тревожит. Полагаю, с Ниафер ничего поделаться нельзя, но если бы мне удалось оживить эти фигуры, думаю, гейс, наложенный на меня, был бы выполнен.

– Это чистое святотатство, Мануэль. Сам Небесный Отец не сделал бы больше того, что он сделал со своими куклами в Эдеме.

Дон Мануэль прищурил свои ясные голубые глаза, словно о чем-то размышляя.

– Однако, – сказал он серьезно, – если я – дитя Бога, по-моему, вполне естественно, что я должен унаследовать вкусы и привычки своего отца. Нет, желание создать одушевленную, живую фигуру, в чем-то более восхитительную и значительную, чем простой человек, – не святотатство. По-моему, так. Как бы то ни было, как бы это ни называлось, такова моя потребность, а я должен следовать своим помыслам и своему желанию.

– А если б это желание было выполнено, – загадочно спросила Алианора, – смог бы ты перейти к образу жизни, подобающему знатному кудеснику и королю?

– Конечно да, ибо у короля нет господина, и он волен повсюду путешествовать, чтобы увидеть пределы этого мира и их оценить. Конечно, да. Во всяком случае, в мире, где нет ничего определенного.

– Если б я хоть вот настолечко поверила этому, я попыталась бы достать Шамир и тебя испытать.

– А что такое этот чертов Шамир?

– Оговорка, – с улыбкой ответила Алианора. – Нет, я не хочу иметь ничего общего с твоими дурацкими фигурами из грязи, и больше я тебе ничего не скажу.

– Ну полно, девочка моя! – сказал Мануэль. И он начал осыпать принцессу Прованскую такими комплиментами, какими этот статный юноша прежде завоевывал крестьянских девушек Ратгора.

– Шамир, – наконец проговорила Алианора, – это камень в перстне, хорошо известном в стране по ту сторону огня. Шамир похож на черную галечку, но если после специального обряда коснуться им любой из твоих фигур, фигура оживет.

– В общем, – сказал Мануэль, – вся беда в том, что, если я попытаюсь пройти сквозь огонь, чтобы достичь этой страны, я сгорю, и не видать мне этого талисмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.